

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНОГО
ЕЖЕДНЕВНОГО
БОГОСЛУЖЕНИЯ

Коллектив авторов

**Смысл и значение православного
ежедневного богослужения**

«Сибирская Благовонница»

2014

Коллектив авторов

Смысл и значение православного ежедневного богослужения /
Коллектив авторов — «Сибирская Благовонница», 2014

Эта книга была написана накануне великих потрясений, через которые нашей Родине предстояло пройти в двадцатом веке за отступление от веры отцов. Тогдашнее российское общество можно, вспоминая евангельскую притчу, уподобить некому человеку, который в трагическом ослеплении отказывается от драгоценной жемчужины ради блестящих побрякушек мира (см.: Мф. 13, 45–46). Создатели книги делают благородную попытку приоткрыть современникам, а теперь уже и нам – красоту Царства Небесного, которое на земле восхищается усилием молитвы. Печатается с незначительными сокращениями и уточнениями по: Смысл и значение Православно-Христианского ежедневного богослужения. Издание четвёртое Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. – Москва, 1904.

© Коллектив авторов, 2014

© Сибирская Благовонница, 2014

Содержание

I. Вечернее богослужение	8
А. Девятый час	9
Б. Вечерня	11
В. Повечерие	14
II. Утреннее богослужение	20
А. Полунощница	23
Б. Утренняя	25
В. Первый час	29
Всенощное бдение	31
III. Дневное богослужение	40
А. Третий час	41
Б. Шестой час	43
В. Божественная литургия	47
Проскомидия	48
Литургия оглашенных	49
Литургия верных	50
Литургия Преждеосвященных Даров	54
Архиерейское служение литургии	56
Евхаристическая жертва	63
Божественное установление Евхаристии	64
Присутствие Иисуса Христа в Евхаристии	65
Святая Евхаристия есть истинная за нас жертва Богу Отцу	67
Искупителя нашего	
Святая Евхаристия, будучи жертвою за нас Единородного Сына	68
Божия, есть вместе жертва Богу Отцу и с нашей стороны	
Отношение Евхаристической жертвы к Жертве Крестной	69

Смысл и значение православного ежедневного богослужения

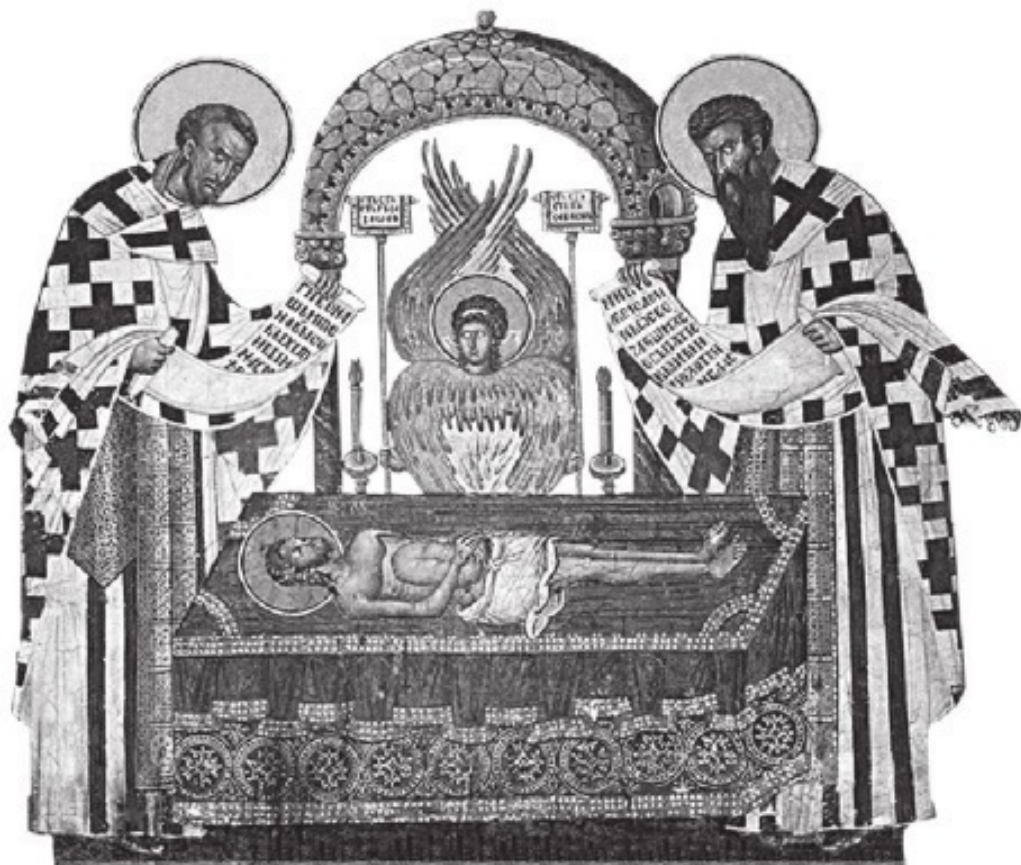
*Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте. Яко
Царь вся земли Бог, пойте разумно.
Пс. 46, 7–8*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, Святая Православная Церковь три раза в сутки собирает чад своих в храмы Божии для вечерних, утренних и дневных богослужений и молитвенных поучений – собирает вечером, утром и днём по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *вечер, и заутра, и полудне повем, и возведу, и услышит Господь глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трёх богослужений складывается, в свою очередь, из трёх частей: *вечернее богослужение* состоит из девятого часа, вечерни и повечерия, *утреннее* — из полунощницы, утрени и первого часа, *дневное* — из третьего часа, шестого часа и литургии. Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного богослужений церковных образуется девять служб: девятый час, вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, первый час, третий час, шестой час и литургия, наподобие того, как, по учению св. Дионисия Ареопагита, из трёх чинов ангельских образуется девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Эти девять ежедневных служб можно назвать всегдашними, постоянными формами, в которых преподаются церковные уроки.

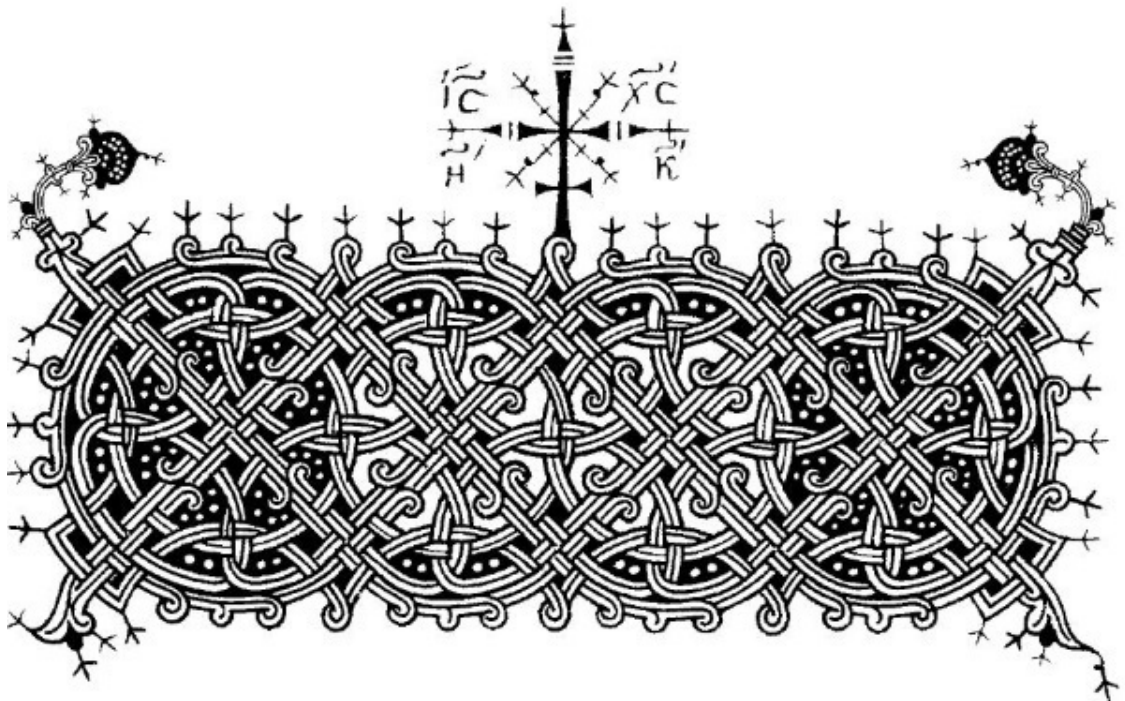
I. Вечернее богослужение

Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее, когда вся душа наша бывает способнее принять настроение важное и степенное? По правильному порядку жизни – вечером, в те часы, когда человек готовится возлечь на одр – временную гробницу свою, желает предаться сну – истинному образу смерти. Церковь в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению, старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Божиих. Вечер и в открытом храме природы есть одно из тех поразительных явлений, которые сами собою способны привести душу в тихое умиление и поставить её в расположение молитвенное. Церковь Господа Иисуса дала ещё большее знаменование трогательному явлению природы, сообщила ему характер священный, установив своё *богослужение вечернее* и каждый день возвещая приближение вечера звоном колокола, по звуку которого собравшиеся в храм Божий слушают *девятый час*, собственно *вечерню* и *повечерие*.

А. Девятый час

Девятый час, соответствующий нашему третьему пополудни, ознаменован в последнем дне земной жизни Спасителя моментом Его крестной смерти. Совершая девятый час, Святая Церковь описывает в нём последнее великое мгновение, когда всё *совершилось* в деле искупления нашего и когда Искупитель рода человеческого, *преклонь главу, предаде дух Свой Богу Отцу* (см.: Ин. 19, 30), поэтому в богослужении девятого часа собраны такие псалмы и молитвы, которые все ведут и преклоняют нас к самому подножию Креста Господня.

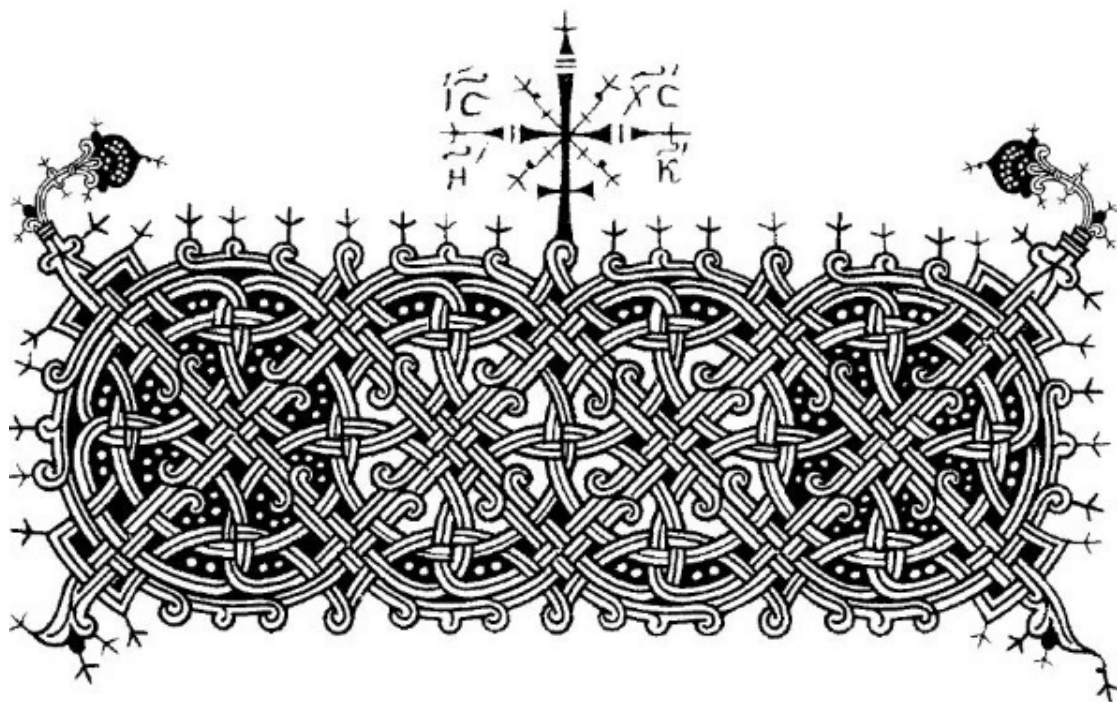
Первую половину девятого часа составляют псалмы 83, 84 и 85. В первом из них изображаются блаженные, возлюбленные селения Господа Сил – пламенное стремление благочестивой души, полагающей *восхождения в сердце своем* и желание войти во дворы Господни, дабы вечно обитать там со Спасителем, положившим за нас живот Свой, и – самое блаженство обитающих в доме Божиим. Да помыслит христианин: какое лучшее для него восхождение духовное, как не восхождение на Голгофу? Здесь-то *приметатися в дому Бога* Спасителя да *изволяет он паче, неже жити... в селениих грешничих*. Здесь поставив себя духом, христианин с чувством любви и благодарности к Искупителю своему произнесёт и следующие два псалма девятого часа. 84 псалом прообразовательно возвещает искупление рода человеческого, совершённое крестною смертью Иисуса Христа: *Благоволил еси, Господи, землю Твою... оставил еси беззакония людей Твоих, покрыл еси вся грехи их. <...> Господь Бог... речет мир на люди Своя... Милость и истина сретостися, правда и мир облобызастся*, то есть – там, где за всех принесена великая жертва умиловления и примирения. 85 псалом заключает в себе моление об усвоении нам силы крестной смерти Сына Божия – о спасении нас, на Него уповающих; здесь же находится указание на сошествие Спасителя во ад и оттуда восшествие к Отцу Небесному. *Приклони, Господи, ухо Твое, и услыши мя, яко нищ и убог есмь аз. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою. Несть подобен Тебе в бозех, Господи, и несть по делом Твоим ... Яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго*. Как всё это спасительно и прилично говорить христианину, стоящему пред Крестом своего Спасителя и Господа!

Во второй половине девятого часа находятся моления и прошения к распятому Господу – в тропарях и молитвах. Особенно выразительно то моление, которое поётся Великим постом, в тропаре: *Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас*. Здесь прямо указывается час смерти Икупителя и испрашивается умерщвление плотского нашего мудрования. В стихе «Видя разбойник...», читаемом также в Великий пост, представлена сильная речь благоразумного разбойника на кресте, а в стихе *Посреде двою разбойнику мерило праведное обретется Крест Твой: овому убо низводиму во ад тяготою хуления, другому же легчащуся от прегрешений к познанию богословия* какое глубокое учение о Кресте и как оно превосходно выражено! Но и кроме Великого поста, во всякое другое время обращаемся мы к Икупителю, на Кресте за нас страдавшему: *Иже нас ради роди́йся от Девы и распятие претерпев, Благий... не презри, яже создал еси рукою Твоею: яви человеколюбие Твое, Милостиве... Не предаждь нас до конца, имене Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас...* После песни, приличной дню, или кондака мы опять обращаемся к Спасителю, во-первых, с молитвою, приличную всякому времени: *Иже на всякое время и на всякий час, на небеси и на земли покланяемый и славимый Христе Боже...* А потом с такою молитвою св. Василия Великого, которая вся, можно сказать, и составлена и произносится при подножии Креста Господня: «Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш... до нынешняго часа приведый нас, воньже на Животворящем Древе вися, благоразумному разбойнику, иже в рай путесотворил еси вход... очисти нас грешных <...> пощади нас, Господи, по множеству милости Твоея... Изми нас из руки сопротивнаго...» Особенно же как во всей этой молитве выражено глубокое чувство покаяния, так в следующих словах её изложено прошение помощи от Господа на самое важнейшее дело христианское – «да ветхаго отложивше человека, в новаго облекусь: и Тебе поживем, нашему Владыце и Благодетелю, и тако... в вечный покой достигнем, идеже есть всех веселящихся жилище».

Вот содержание и смысл девятого богослужебного часа! Когда будете читать его дома или слушать в церкви, рассуждайте внимательно, как Господь и Спаситель наш, желая спасти род человеческий, на Кресте воззвал: *жажду*, и как тогда оцтом и желчию напоен был, как предал пресвятую душу Свою в руки Бога Отца Своего, и как вследствие этого потряслись все основания земли, камни распались, мёртвые восстали от гробов, и как один от воинов пронзил копием рёбра Ему, *и абие изыде кровь и вода* (Ин. 19, 34). Рассуждая об этих и других страданиях Господа – благоговейно, в сокрушении сердца, а если можно, и со слезами, – усердно совершайте молитвы девятого часа (см. Учительное известие в Служебнике). Если же по какой-либо уважительной причине не случится вам прочитать или выслушать девятого часа, то, вспоминая с благоговением спасительные страдания и крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа, сотворите за девятый час пятьдесят молитв Иисусовых «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» и положите семь поклонов. (См. правило это в конце следованной Псалтири.)

Б. Вечерня

Ничего не может быть для нас естественнее в вечернюю пору, как благодарить Бога за Его благодетельный Промысл, хранивший нас в продолжение мимошедшего дня, – просить у Него прощения во грехах, которыми мы оскорбляли Его благодать от утра до вечера, прославлять преимущественно те дела Божии, о которых напоминает нам наступивший день церковный, наконец, просить Бога о святом препровождении вечера и приводить себе на память вечер нашей жизни.

Богослужение вечерни, которая по церковному исчислению времени должна оканчивать один день и начинать следующий, всё приспособлено к этому назначению, и потому в нём мы то благодарим Виновника и Промыслителя нашей жизни, то изливаем чувства покаяния за всегдашние грехи наши, то молимся о святом провозведении времени, а сверх того славим и тех святых, о которых напоминает нам следующий день.

В первой части вечерни псалом предначинательный – 103 – призывает нас благодарить Господа, Творца и Промыслителя, утвердившего землю на тверди её, покрывающего водами превыспренняя Своя, напояющего и зверей сельных. т. е. полевых, произращающего траву скотам и всё премудростию и благодатию устроившего.

В следующей за тем так называемой ектении великой молимся о благах духовных и телесных, за всех человеков и в особенности – за священных благодетелей наших, за пастырей Церкви и за покровителя её – Государя. В этой ектении Святая Церковь прежде всего приглашает нас молиться *миром*, то есть в мире совести, без чего не примет от нас Бог никакой жертвы (см.: Мф. 5, 23–24), потом указывает нам на необходимость *свышняго мира*, то есть благодатного мира с Богом, затем уже просим мира и всему миру и благосостояния церковей Божиих. Всё сие моление оканчиваем преданием себя Христу Богу, с воспоминанием Пресвятой Матери Господней и всех святых как высоких примеров смирения и покорения воле Божией, а вместе ходатаев наших пред Богом.

После чтения кафизмы следует пение «Господи, воззвах...», псалмы 140, 141, 129 и 116. В них приносим молитву упования, как бедствующим среди врагов спасения нашего, но всю

надежду полагающие на Господа, молитву покаяния, веруя, что у Господа очищение и Он избавит нас от всех беззаконий наших, и – глас хвалы за великую Его милость к нам и вечную Его истину. С стихами псалмов Святая Церковь соединяет песни, или стихиры, в которых прославляет благодать Божию, явленную нам или в Спасителе нашем, или в тех святых, воспоминанию которых посвящён наступающий день. Изображая домостроительство нашего спасения или подвиги святых, Церковь научает нас прославлять Господа не только словом и песнию, но – подобно святым – и самими делами и жизнью.

Из песней, относящихся к этой части вечерни, особенно замечательны те, коими заключается пение стихир на богослужении воскресном, прекрасные песни, составленные св. Иоанном Дамаскиным. Они называются *догматиками*, потому что изображают догматы, то есть богословское учение о воплощении Сына Божия и Лице Его как Богочеловека, *не во двою лицу разделяема, но во двою естеству неслитно познаваема*¹, а также о достоинстве Богоматери как всемирной славы, небесной двери, Матери, паче естества пребывавшей Девой по рождении Еммануила, паче слова и разума.

Во второй половине вечерни Церковь приметно переводит нас на высшую степень молитвы – усугубляет её, возвышает. Это видно как из того, что в это время (во дни праздничные) бывает вход священнослужителей в алтарь, так и из тех высоких песней, которые поют в этой части богослужения иногда сами священнослужители, например «Свете тихий...», и из ектении, называемой *сугубою*, то есть соединяемой с троекратным «Господи, помилуй». «Премудрость, прости!» – возглашает диакон или священник, показывая, что следующая песнь содержит высокое значение, что мы должны усугубить наше внимание и потому стоять *прости*, то есть в прямом положении, с добрыми и напряжёнными чувствами духа. Затем славим Божественного Спасителя нашего песнию «Свете тихий...». В ней именуем мы Господа Иисуса Христа *тихим светом святых славы Отца Небеснаго*, потому что только чрез Него, чрез Его воплощение свет славы Божией стал для нас источником блаженства, а без того для грешников он был бы огнём пополающим. Он же, Единородный Сын, сый в лоне Отчи, научил нас знать и славить Отца, Сына и Святого Духа – Бога. Он дарует нам истинную жизнь и потому достоин святых славословий и вечного благодарения.

Потом опять возглашается: «Премудрость, вонмем!» для возбуждения нашего внимания. Это указывает, в особенности в праздники, на следующее затем чтение из Святого Писания – *паремии*, а в обыкновенные дни – как на пение избранных стихов Святого Писания, называемых *прокимнами*, так и на молитву «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам...».

Две ектении усвоены этой части вечернего богослужения. Одна из них, называемая *сугубою*, молит преимущественно о благодетелях Церкви и храма, как то: о Государе и духовных пастырях, о создателях храма, о принадлежащей к нему братии и в особенности о тех, кои трудами или служением своим доставляют ему пользу, – «о плодоносящих, доброделающих, труждающихся, поющих и предстоящих...». Другая ектения, с пением «Поддай, Господи» вся есть прошение о святом проовождении жизни – испрашивает нам безгрешного и мирного вечера, Ангела, хранителя душ и телес наших, покаяния и всего полезного для души и, наконец, христианской кончины.

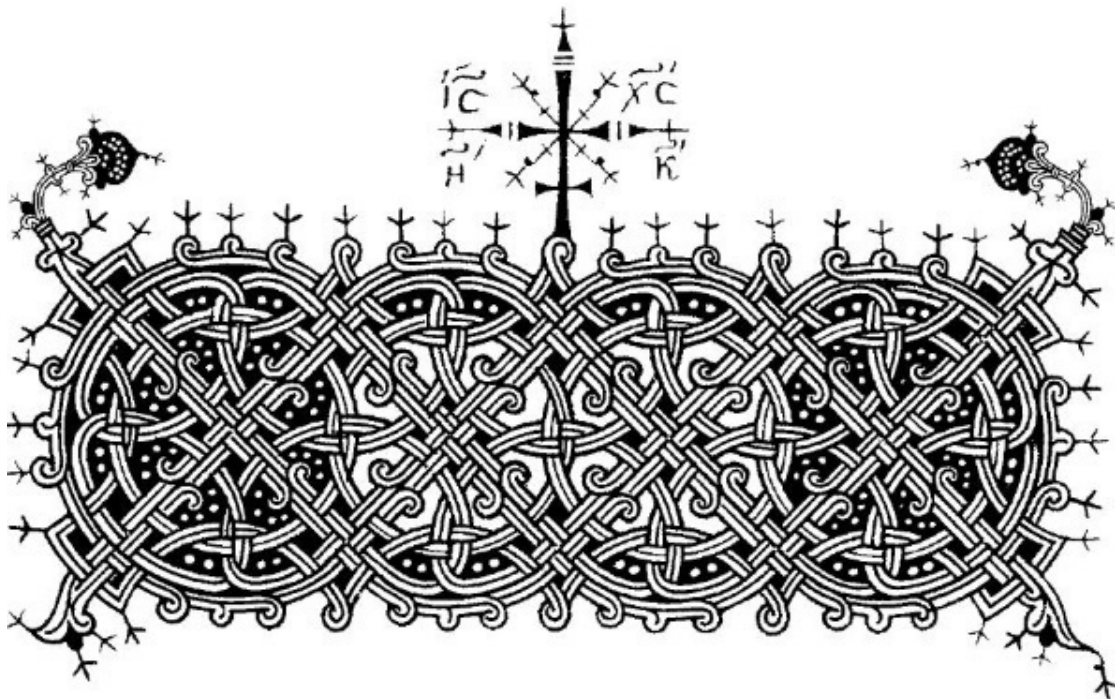
К этой же части вечерни кроме песней в честь святых или праздника, называемых *стиховными*, относится и молитва Симеона Богоприимца «*Ныне отпущаеши...*». Эту предсмертную молитву святого старца Церковь велит повторять нам каждый вечер, чтобы и мы желали кончины блаженной и, готовясь к ней, могли с окончанием каждого дня говорить то же, что желательно христианину сказать пред кончиною своей жизни: «Я отхожу с миром в душе моей... видели очи мои спасение Твое, Владыко!»

¹ См. Чинопоследование Всенощного бдения: Воскресные стихиры на «Господи, воззвах», Глас 6. – Ред.

Таков смысл содержания вечерни! Когда будете читать её дома или слушать в Церкви, благоговейно поучайтесь в мысли своей, умилённо размышляя о том, как Господь и Спаситель наш Иисус Христос по спасительных Страстях Своих в пятницу вечером умер на Кресте за грехи наши и нашего ради спасения, как потом Иосиф с Никодимом, снявши тело Христово, обвили оное плащаницею и положили во гробе и как Мария Магдалина с Пречистою Материю Господнею с плачем и рыданием, в горести сердца своего смотрели на всё это (Учительное известие). Если же почему-либо вам не случится прочесть или выслушать вечерню, то, вспоминая о крестной смерти и погребении Спасителя, сотворите сто молитв Иисусовых «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» и положите двадцать пять поклонов.

В. Повечерие

Приближается ночь, уставшая плоть и утрудившийся дух требуют покоя. Но кто знает, пробудится ли плоть наша от успокоения ночного или она уснёт сном смертным? Почует ли дух наш в мире или покой его будут возмущать тёмные зраки лукавых бесов, представления суеты мирской, бесчинные движения грехолюбивного тела? Как же необходимо нам при отхождении ко сну предстать пред Господом с сокрушённою молитвою о грехах – с прошением, чтобы Он не погубил нас на ложах наших со беззакониями нашими, но сохранил нас во время сна от всех искушений и соблазнов, от всех козней и обаяний врагов спасения нашего. И Святая Церковь ежедневно внушает нам, на сон грядущим, эти благочестивые чувствования в повечерии, которое совершаться должно после вечерней трапезы. Повечерий два: *малое* и *великое*.

Малое повечерие есть сокращение великого. И это малое церковное моление весьма поучительно. Оно научает нас не только частною, домашнею, но и общественною молитвою готовить себя ко сну. Содержание малого повечерия следующее: прежде всего приносим Господу покаяние во грехах, читая псалом 50-й, далее в псалмах 69 и 142 просим помощи Всесильного и заступления Его против врагов, ищущих уловить души наши, – врагов, которые без особенной помощи Божией всего опаснее для нас тогда, когда предаёмся сну; затем произносим славословие «Слава в вышних Богу...» с прошением об исцелении душ наших и сохранении нас от греха в ночное время; ограждаем себя верою, исповедуя *Символ веры*; укрепляем себя молитвою ко Господу Иисусу Христу «Иже на всякое время...», да избавит нас от всякого зла и оградит святыми Своими Ангелами, а потом и молитвою к Божией Матери «*Нескверная, неблазная...*» как первой Ходатаице за грешных, прося Её заступления во все дни жизни и в самый час нашей смерти. Молитвою «И даждь нам, на сон грядущим...» просим Бога, да дарует нам, ко сну отходящим, вместе с покоем душевным и покой телесный, да сохранит нас от всякого темного и ночного сладострастия. Наконец, краткою молитвою преп. Иоанникия «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый, Троице Святая, слава Тебе!» совершенно предаём себя в руки отеческого Промысла Божия.

Особенно *великое повечерие* при внимательном чтении или слушании легко может возбудить глубокие чувства христианские. Мысль, что с наступлением ночи наступает в природе некая всеобщая безжизненность, образ повсюдной могилы и что человек, как бы на огромном кладбище, остаётся одиноким, – эта мысль сама по себе всегда разительна и всегда наводит на душу тяжёлое и вместе сладостное уныние. Псалом повечерний изображает это глубокое чувство одиночества и заставляет человека вопиать к Богу с молитвою: *Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к Тебе да придет. Уподобихся неясоти пустынной, бых яко нощный вран на нырищи. Бдех и бых яко птица особящаяся на зде* (Пс. 101, 1, 7–8). Мысль, что во мраке ночном, когда человек готов погрузиться в сон, тёмные силы сатанинские легче, нежели в день, могут возобладать им и что, следовательно, ему нужна особенная помощь, внушает смиренному христианину страх и невольно поднимает руку и язык на молитву. Как естественны в этом отношении язык и чувства, выраженные в первых семи псалмах великого повечерия! Молящегося попеременно видим то повергающимся в глубокое смирение и слышим слова: *нищ есмь и убог, Боже, помози ми* (Пс. 69, 6), то приходит он в воодушевление крепкою надеждою на Бога своего: *в мире... усну и почию* (Пс. 4, 9). *Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится* (Пс. 90, 1) – то снова устрашает его мысль о невидимых врагах, равно как и о грехах своих, и потому он снова приходит в скорбь и молит об утешении и заступлении: *Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь, исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя. И душа моя смятется зело* (Пс. 6, 3–4). Обыкновенный сон может нечаянно свести нас с ложа во гроб – как не сказать при том: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (Пс. 12, 4–5). Во сне и в смерти окружают человека тёмные зраки лукавых бесов; Церковь влагает в уста наши превосходные молитвы св. Василия Великого ко Господу и Павла, монаха обители Евергетидской, – к Богородице. Смерть может постигнуть нас неготовыми, тогда темные дела наши пойдут вслед за нами... Для предварительного очищения предлагаются нам покаянные псалмы Давида с молитвою царя Манассии – столь умиленные и сильные, что ими грешник как бы насильно желает исторгнуть себе прощение у Судии неумытного. По смерти – суд; одна из песней повечерних живо напоминает нам, *яко страшен суд Твой, Господи, Ангелом предстоящим, человеком вводимым, книгам разгибаемым... кий суд будет мне, зачатоу во гресех?* Но и обыкновенный сон, один сам по себе, без отношения к соприкосновённым предметам рассматриваемый, есть великое благо для человека, утруждённого дневными заботами. Церковь не забыла этой прекрасной мысли и потому заставляет нас умиленной молитвою Антиоха молить Спасителя о покое и сне ночном: *даждь нам, на сон грядущим, покой тела и души*, для покоя телесного *даруй нам сон легок, всякаго сатанина мечтания изменен*, для покоя душевного *даруй во сне бодр ум, целомудрен помысл, сердце трезвящееся*. Наконец, последняя мысль повечерия: не столько временный сон, сколько сон смертный возбуждает чувство разлучения со всем, что видим, чувствуем, любим; ненавидеть здесь нельзя: это неестественно, и потому всем желаем добра, за всех желаем молиться, когда видим, что ничем иным, кроме молитвы, не можем изъяснить своего чувства. Эту мысль превосходно выражает последняя молитва повечерия *«Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи...»* и проч. Если у человека ещё остаётся волнующаяся мысль и чувство, мы видим их вполне погружающимися в живое упование на Источник всякой жизни. Такое погружение выражено в кратком стихе *«Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой...»*. Как всякая мысль, всякое чувство предсонное естественны и сообразны с обстоятельствами времени! С другой стороны, как всякая молитва и стих повечерия верно приспособлены к свойству мыслей и чувств, которые добрый христианин находит сам в себе, подходя к своему ложу!

В великом повечерии три части: первая часть состоит из псалмов 69, 4, 6, 12, 24, 30 и 90. В состав второй части входят: молитва св. Василия Великого, псалмы 50 и 101, молитва Манассии, царя иудейского, тропари *«Помилуй нас, Господи, помилуй нас...»*. В состав третьей части – псалом 142, великое славословие, рядовой канон святому или Богородице, стихиры

«Господи сил, с нами буди...», «Иже на всякое время...», «Нескверная, неблазная...», «И даждь нам, Владыко...», «Упование мое Отец...», молитва «Владыко многомилостиве...», которую возглашает священник, преклонившись нам на землю. Оканчивается великое повечерие взаимным испрошением благословения и прощения настоятеля у братии и братии у настоятеля.

Зная содержание и смысл повечерия, когда будете читать его дома или слушать в церкви, размышляйте о том, как святейшая душа Спасителя, соединённая с Божеством, сошедши во ад, связала державно князя тьмы, пленила его царство и освободила души от века там находившихся праведников от мучительства его, и, возведши оныя с Собою, вселила в рай даже до Своего преславного Вознесения, а потому, благодаря Господа за все Его благодеяния, которые Он сотворил роду человеческому спасительною Страстию и животворною Своею смертию, молитесь Ему прилежно, чтобы Он, очистив и ваши прегрешения, избавил вас от вечной муки и сподобил Царствия Небесного со всеми святыми, Ему благоугодившими (Учительное известие). Если же не случится вам когда-либо прочесть или выслушать повечерие, то, вспоминая о сошествии во ад Спасителя и изведении из него душ праведных, сотворите молитв Иисусовых пятьдесят и поклонов положите двенадцать. А за великое повечерие – втрое больше сего.

Всё вечернее богослужение оканчивается напутственным для нас благословением Церкви в отпуске священника, когда пастырь, обратясь лицом к своей пастве, изъявляет ей молитвенное желание, да достигнем все мы главной цели наших молений, то есть *Христос Бог наш молитвами Пречистыя Своея Матере и всех святых да помилует и спасет нас, яко благодатен и Человеколюбец*. И мы наконец отходим в дома, где должны совершать ещё *молитвы на сон грядущим*.

Сущность этих молитв прекрасно изображена в Беседах Амфитеатрова.² Изложив сущность утренних молитв, он продолжает: «Ещё усерднее и человеколюбивее попечение Церкви о нас в то время, когда мы, и после дневных трудов, и после дневных грехов, намереваемся отойти к ночному сну; отсюда ещё трогательнее и пламеннее церковные молитвы на сон грядущим. Я сказал: после дневных грехов. Так, братия возлюбленные, Слово Божие учит нас, что нет ни одного человека, который бы чист был пред Богом, – хотя бы этот человек жил только один день на земле. Да и совесть наша свидетельствует, что мы каждый день согрешаем, то как люди, то и не как люди, а иногда и *горее скотов*». «Есть у нас ежедневные грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые. Есть грехи от юности и по юности, грехи от науки злой, от наглства, от уныния. Мы должны бы со страхом и благоговением произносить имя Божие, но мы ежедневно всеу призываем сие святое и страшное имя либо хулим оное в помыслении своём. Мы должны бы каждую минуту любить своих ближних как братьев, обходиться со всеми как с детьми Отца Небесного; но что же мы делаем, как не ежедневно укоряем других, клеветаем, гневаемся, судим, уязвляемся сердцем при виде чужой доброты? К нам приходил несчастный за утешением, а мы ещё больше опечалили его. Приходил нищий за помощью, мы презрели его. Приходил смиренный за советом, мы пред ним развеличались, разгорделись, либо ему дали повод к соблазну, либо сами при взоре на него помыслили развращение в сердце своём. Безгодно спали, неумеренно употребляли пищу и питье, предавались безумному смеху; иногда становились на молитву, но ум наш двигался о лукавствии мира; иногда вовсе не радели о молитве и произносили одни слова неподобные; может быть, целый день провели в злых насмешках над погрешением брата нашего, а забыли, что свои грехи у нас – бесчисленные (молитва 3)». Не такова ли точно история повседневной жизни нашей? С окончанием каждого дня оканчивается отдельная часть бытия нашего, и каждый вечер в тайной книге сердца нашего прибавляется особая мрачная страница. Мы не любим, иногда не умеем читать сих плачевных страниц, но они написаны в совестях наших, их зрит правосудие небесное, зрит Святая Церковь – и при кончине каждого дня старается заглавить оныя пред

² Иаков Амфитеатров. Беседы об отношении Церкви к христианам. – *Ред.*

всевидящим оком Божиим. Потому-то она каждый вечер предлагает нам самые трогательные молитвы к Богу Отцу, к Богу Сыну, к Богу Духу Святому – молитвы очистительные и покаянные; потому-то заставляет взывать к Спасителю и Судии нашему, чтобы Он каждому дню нашей жизни даровал конец благий и чтобы, не означая имени и дел наших в книге судной, написал нас *в книге животной* (молитва 7, стих 9).

Ночной сон, дарованный Господом в упокоение немощи нашей, в *ослабление трудов многотрудныя плоти* и воссияние нового дня для нас, Церковь почитает одним из великих чудес милосердия Божия к нам грешным – чудес славных и ужасных, ихже несть числа (утренняя молитва 6). Но еще большее чудо она видит в том, что великодаровитый и человеколюбивый Господь приводит нас на конец того или другого мимошедшего дня нашей жизни, тогда как мы ленивы на угождение бессмертному Царю и ничего доброго не делаем. Дабы мы познали, как велико сие ежедневное чудо милосердия Божия, Церковь даёт нам необыкновенно трогательную, благодарную и вместе очистительную молитву, сама как бы не находя слов, довлеющих к изъявлению нашей благодарности. «Что Ти принесу или что Ти воздам, великодаровитый Безсмертный Царю, Щедре и Человеколюбче Господи, яко лентяся мене на Твое угождение и ничтоже благо сотворша привел еси на конец мимошедшаго дне сего, обращение и спасение души моя строя?» (мол. 4); «Мирен сон и безмятежен даруй ми, Ангела Своего Хранителя послы, покрывающа и соблюдающа мя от всякаго зла: яко Ты еси Хранитель душам и телесем нашим» (мол. 5). Умилительное зрелище представляет мать, которая с нежною заботливостью готовит покойное и чистое ложе своему младенцу, закрывает его от беспокойных насекомых и шума людского, и когда дитя уже спит, она всё ещё бодрствует у колыбели его, молитвенным словом и сердцем желая ему сна тихого и отрадного. Но когда соображаю значение вечерних молитв, когда стараюсь проникнуть в смысл их, нахожу, что самые нежные заботы земных матерей о своих детях далеко не равняются с попечениями Церкви о нас грешных; самые лучшие их желания о мирном сне детей всё ещё не так хороши, не так святы и возвышенны, как желание Церкви при нашем сне ночном. Как трогателен образ спящего христианина, начертанный в вечерних молитвах Церкви! Христианин почивает на ложе, а в нём почивает Сладчайший Иисус, добрый Пастырь Своих овец. Его телесные очи покрыты сонною мглою, но его дух озаряется немерцающим светом Духа Святого. Его ум, во время бодрствования – может стать – забывавший о Евангелии, во сне осиявается таинственным лучом разума евангельского. Его душа знаменуется любовью ко Кресту Искупителя, сердце – чистотою слова Господня, тело освобождается от страстей бесстрастною страстию Пострадавшего за нас, мысль хранится Божественным смирением Агнца Божия (мол. 2). Сон его не только безмятежен, но и священ, ибо у него отнят лукавый помысл видимого сего жития (мол. 4), удалено всякое мечтание и темные сласти, укрощено стремление страстей, всей душе и телу дарована благодатная ослаба (мол. 6). Над ним простёрт покров Пресвятой Девы и молитвы угодников Божиих (мол. 8). У его ложа ночного бодрствует Ангел Хранитель, блюдуший его от нападения тёмных сил и от всякой иной неподобной вещи (молитвы 4, 5, 7, 10). Не есть ли это образ того сна, каким могут почивать только благодатные сыны Божии на лоне Отца Небесного?

Но грешнику ли почивать блаженным покоем праведников? Для кого скорее и внезапнее одр может сделаться гробом, сон – смертью, как не для грешника?

Кому ужаснее последний Суд Божий, как не тому, кто *злое творя не престаёт*? Церковь знает всю опасность нечаянной кончины, праведно могущей постигнуть нас, в нечаянии лежащих, посему-то, приводя к одру, она заставляет каждого из нас с недоумением вопрошать Господа: «Неужели мне одр сей гроб будет или еще окаянную мою душу просветиши днем?» Заставляет нас в ложе и сне предусматривать истинный гроб и смерть: «Вот гроб мой предомною, и смерть предстоит мне». Сама как бы трепещет суда Божия за нас и нас заставляет признаться: «Суда Твоего, Господи, боюся и муки бесконечныя ужасаюсь». Прежде суда Божия заставляет нас осуждать самих себя: «Знаю, о мой Боже, что я недостоин Твоего человеколю-

бия, а достоин всякого осуждения и муки». Но и здесь, братия возлюбленные, в этом неложном откровении предсмертных и предсудных чувств наших, в этом правильном самоосуждении нашем Церковь отнюдь не хочет оставить нас в нечаянии – напротив, чем ближе опасность, чем яснее наша уверенность в своём недостоинстве, тем более она старается возбудить надежду в нас, заставляя каждого произносить спокойно и со всею преданностью: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой». Тем более даёт нам христианского дерзновения, влагая в уста наши сильные слова св. Дамаскина: «Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши, ничтоже велие, и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя. Но на мне грешнем удиви милость Твою, о сем яви человеколюбие Твое, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердию...» Поставляя нас пред ложем, на которое возлечь желаем, Церковь заповедует ограждать оное крестным знамением, как щитом неодолимым, желает духу нашему сообщить блаженное веселие при мысли о животворящей силе креста Господня, и когда наши вежды готовы сомкнуться, она говорит нам последнее слово материнское: «Перекрестися и с молитвою засни, помышляя день Судный»³.

³ Иаков Амфитеатров. Беседа 8.

II. Утреннее богослужение

Утреннее церковное богослужение благочестивый христианин обыкновенно предваряет своими домашними утренними молитвами. *Сущность утренних молитв* Я. К. Амфитеатров изображает так: «Не довольствуясь одними общими молитвами за нас, приносимыми в храмах, и ведая, что мы не все поспешим туда, Церковь предлагает каждому из нас, как мать младенцу, особую готовую пищу домашнюю – утренние молитвы, назначенные ею для домашнего употребления нашего. Она желает, чтобы первым нашим словом по пробуждении было призывание имени Всесвятыя Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы первым нашим действием было троекратное ограждение себя знамение Честнаго Животворящаго Креста Господня. Она старается, тотчас по востании нашем от сна, придать нам чистоту Ангельскую, поставить нас в лике Сил небесных и заставляет воспевать Ангельскую песнь: *Свят, Свят, Свят!* Но как все мы далеки от чистоты и святости Ангелов Божиих, мы, которые отходим ко сну грешными, а пробуждаемся от сна иногда ещё грешнее, нежели какими уснули, то Церковь сперва заповедует нам благодарить Создателя нашего, что Он не погубил нас со беззакониями нашими, но по Своему обычному человеколюбию и долготерпению воздвиг от одра и сна; потом каждую молитву свою наполняет очистительными воплями покаяния, просвещения и освящения нашего. Так в иных молитвах она заставляет нас умолять Господа, чтобы Он Сам очистил нас от всякия скверны плоти и духа и даровал нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти (молитвы 1 и 5), в других – чтобы Он по нашем сне ночном воссиял нам день безгрешен (мол. 2), просветил наши мысли, очеса и ум наш от тяжкого сна лености восставил (мол. 6), в иных – чтобы Он, даруя нам новый день жизни, помогал нам на всякое время во всякой вещи и избавлял от всякия мирския злыя вещи (мол. 3), сподобляя нас всегда творить Его Святую волю (мол. 4). Уныние, забвение, нерадение почти всегда бывают причиною неисправной жизни нашей. Церковь обращает нас к Бого-

матери, да Она святыми Своими и всесильными мольбами отженет сии и все другие пороки (мол. 10), да разрешит пленицы грехопадений наших и сотворит нас домом Духа Божественного (мол. 7). В каждую минуту жизни нам необходим небесный страж и помощник: Церковь заставляет нас вопиять к Ангелу Хранителю окаянной души нашей, да не оставит нас, ниже отступит за невоздержание наше, да укрепит бедствующую и худую руку нашу и наставит нас на путь спасения, да покрывает в настоящий день и хранит нас от всякого искушения.

Многokrатно мы отходили ко сну, многokrатно и вставали от сна такими же, как и вчера и третьего дня, восстали ныне; может быть, встанем и завтра, но кто знает, лучше ли будем сегодня и завтра, чем были вчера? Станем ли совершать дела света или ещё глубже погрузимся во тьму греховную? Ах, братия, сколько раз обещались мы исправить окаянную жизнь нашу и всегда лгали себе и Богу нашему! Где наши дела, которые могли бы спасти нас? «Боже мой, не възыщещи дел отнюдь, оправдающих мя!» Что же остаётся нам ко спасению? Благодать, вера. Посему-то Церковь в начале утренних молитв обязывает нас произносить молитвенно Символ веры, а в конце их даёт нам самую сильную молитву к Икупителю нашему, которою старается не только умили́ть Господа, но как бы убедить Его всем делом икупления – спасти нас, ссылаясь не на наши непостоянные, а на Его непреложные обетования, не на наши дела, а на Его бесконечную благодать и милосердие. «Ты, Многомилостивый, – заставляет Церковь каждого из нас вопиять ко Господу Иисусу, – многия ради любви шёл и воплотился еси, яко да спасеши всех. Теперь ещё и ещё спаси мя по благодати, молю Тя». Какой грешник сам от себя дерзнул бы сказать Богу Судии: «Если от дел спасёшь меня, это не благодать и не дар, это долг паче»? Церковь влагает в уста наши сие дерзновение. Кто отважился бы одну простую веру свою представить вместо всех дел благих и ею смиренно защищаться пред правосудием? Церковь даёт нам сию великую защиту. «Ей, Многий в щедротах и неизреченный в милости! Ты Сам сказал: *веруяй в Мя жив будет и не узрит смерти во веки* (см.: Ин. 11, 26). Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных грешников, то вот я верую; спаси меня, ибо Ты мой Бог и Создатель. Пусть вера моя вместо дел вменится мне, ибо дел, оправдывающих меня, Ты не найдёшь у меня. Но та вера моя да удовлетворит Тебе за всё, та да отвещает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоея вечныя. Пусть не хвалится сатана, что он отторгнет меня от Твоей руки и ограды. Не взирай на мою испорченную волю, но хочу ли я или не хочу, спаси меня: ибо Ты Бог мой от чрева матере моея (мол. 8)». Таким-то образом святая мать наша не только молит Господа о нас, но и защищает нас пред Ним; не только сама защищает, но и нам окаянным даёт некоторое неотъемлемое право *на защиту себя*»⁴.

Когда душа наша свежее и свободнее от праха земных помышлений? Утром. Церковь старается на несколько минут овладеть нашею утреннею душою – и призывает нас *к утренней службе*, а вместе с службою и к поучению.

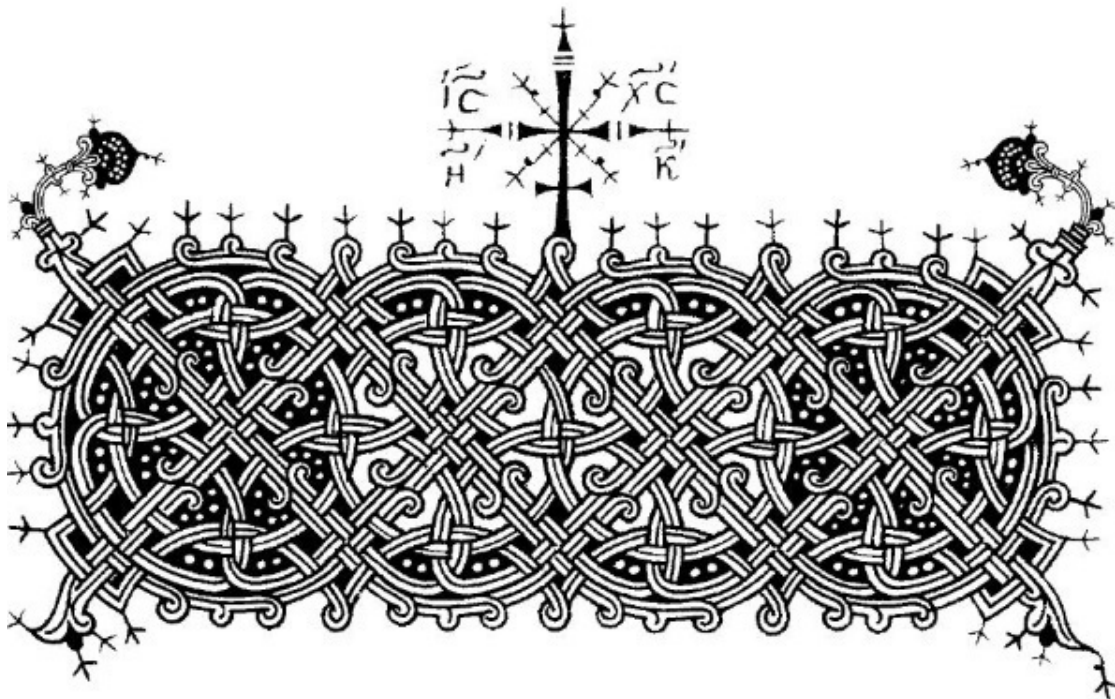
Вы всё ещё спите и поживаете? (Мф. 26, 45, Мк. 14, 41) – говорил Спаситель ученикам Своим, около полуночи совершая кровавый подвиг в саду Гефсиманском. Троекратно подходил Он к ним, троекратно находил их спящими и, как бы жалея нарушить покой друзей Своих, один повергался на землю с пламенной молитвою к Отцу Небесному (см.: Мф. 26, 39–44). Взирая на нас как на детей, беспечно покоящихся в колыбелях своих, Святая Церковь, мать наша, около всякой полуночи тихо старается пробуждать нас гласом Икупителя: *Что спите? вставше молитесь, да не внидете в напасть* (Лк. 22, 46). Но если мы спим и не хотим подняться от ложа нашего, то она с своими служителями и с немногими бодрствующими сынами – обыкновенно с дряхлыми старцами – удаляется в храмы свои, как Господь удалялся в сад Гефсиманский, и там совершает полунощные молитвы о нас и за ними – утренние. Мы ещё спим и поживаем, а она уже повторяет покаянные и поучительные псалмы Давидовы. Мы спим, а она, как бы с сожалением говоря о нас: *Вы всё ещё спите и поживаете*, уже многokrатно

⁴ Иаков Амфитеатров. Беседа 8.

испрашивает нам в молитве Господней хлеба насущного у Отца Небесного *на полунощнице, утрени и первом часе.*

А. Полунощница

Утреннее богослужение обыкновенно начинается у нас *полунощницею* – молитвенным чтением и пением, которое древние совершали (как и теперь некоторые обители совершают) в самую *полночь*. Это самое раннее и более всех удалённое от мирского шума время Церкви учит нас посвящать Господу и предлагает тогда такие молитвы и воспоминания, которые наиболее могут утверждать жизнь христианина в Боге и уповании жизни вечной.

На полунощнице после обыкновенных начальных молитв мы прежде всего очищаем себя чувствами покаяния и потому читаем псалом покаянный 50-й. Затем чтением великого псалма 118 (кафизмы 17-й) утверждаем волю свою в законе Божии, ибо исповедуем с Псалмопевцем, как *блаженны ходящии в законе Господни*, как *благ он паче тысяч злата и серебра*, *сладостен паче меда и сота*, как умудряет ревнителей своих *паче старец*, просвещает и вразумляет самих младенцев, как дарует многий мир и другие драгоценные блага любящим его. Этот псалом есть один из поучительнейших в целой Псалтири: его воспевают Церковь при воспоминании погребения Спасителя в Великую субботу, его повторяет при гробе каждого брата нашего, отошедшего в другой мир, его же положила она повторять и ежедневно, дабы в сердце каждого христианина, как на дверях отшельника, живо начертать важную и приснопамятную истину: *memento mori* – «помни смерть».

Утвердив таким образом волю свою в воле Божией, христианин, вставши от сна, старается утвердить и сердце своё в истинной вере, для чего читает Символ веры. Потом слышим песнь «*Се жених грядет в полунощи...*» и другие песни, напоминающие нам о Втором Пришествии Господа, да не постигнет оно нас, как *тать в ночи* (2 Пет. 3, 10), – неприготовленных. Но, приводя на память страшный день Суда, имеющего решить участь всех на целую вечность, как не вспомнить отцов и братьев наших, уже прешедших предел смерти и там, где нет места покаянию, жаждущих молитв Святой Церкви? Потому Церковь под конец полунощницы полагает моление за усопших. Это моление начинается она двумя псалмами: *Возведох очи мои в горы* – 120 – и: *Се ныне благословите Господа вси раби Господни* – 133, воззывающими дух наш к Тому, Кто недремленно хранит новый Израиль и особенно присутствует благодатию Своею в

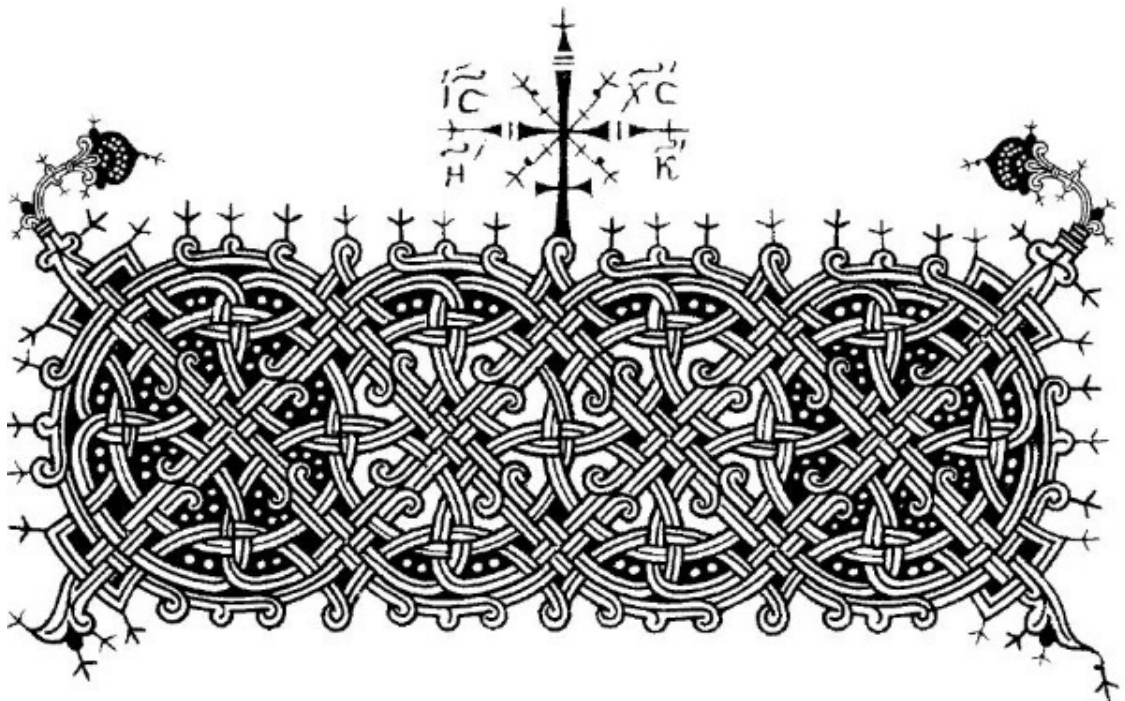
святителях; потом Церковь в песнях и молитве «Помяни, Господи, в надежде воскресения, жизни вечная усопших...» побуждает нас просить усопшим прощения грехов и упокоения в месте светле, идеже присещает свет лица Божия. Вся полунощница оканчивается ектенийю, в которой, молясь о всех живущих, не только любящих, но и ненавидящих нас, молимся и об отшедших отцах и братиях наших.

Кроме вседневной полунощницы известны у нас ещё *субботняя* и *воскресная*. Первая отличается от повседневной почти одною кафизмою, ибо вместо 17-й, как положенной для чтения на самой утрени в субботу, полагается тогда 9-я. Последняя же замечательна тем, что вместо чтения кафизмы и пения известных песней умиленных занимает нас славословием Пресвятой Троице – в каноне и следующих за ним высоких песнях св. Григория Синаита: «Достойно есть яко воистину славить Тя Бога Слова...» В этом последнем случае, то есть при начале дня, открывшего нам славу Божественного Воскресения, Церковь поставляет чад своих как бы среди Ангелов, немолчно воспевающих славу Бога Триипостасного.

Совершая полунощницу, размышляйте прилежно о том, как Господь наш в полночь, идя на вольную страсть, в саду так прилежно молился. что пот Его был как капли крови, капающей на землю, и как, взятый там воинами, подобно злодею, связанный ведён был прежде ко Анне (первосвященнику), и какие здесь потерпел поносные ничижения, оплевания, биения и другие неисчетные страдания – и всё это для того, чтобы свободить нас от уз греховных и от томления и мучительства диавольского (Учительное известие). Если же не придётся вам когда-нибудь прочесть или выслушать полунощницу, то, вспоминая кровавые страдания Спасителя в саду Гефсиманском и во дворе архиерейском, сотворите молитв Иисусовых сто и поклонов положите двадцать пять.

Б. Утреня

Начало нашей утрени заслуживает особенного примечания. Церковь, помня апостольскую заповедь: *Молю убо прежде всех творити молитвы... за вся человеки: за царя и за вся иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1–2), представляет в начале своей утрени краткое молебствие за царя и Отечество и совершает его следующим образом. Тогда как священник производит каждение по всему храму, возбуждая благовонием кадила не столько внешние, сколько внутренние чувства наши, да расположим сами себя приносить молитвы наши яко кадило пред Богом, чтец нескоро произносит псалмы 19 и 20: *Услышит тя Господь в день печали; Господи, силою Твоею возвеселится царь*, в коих выражаются молитвенные благожелания царю и царству, потом – молитвенную песнь «Спаси, Господи, люди Твоя» и другие, также относящиеся к царю и Отечеству, под конец сам священник молится о том же в краткой ектении: «Помилуй нас, Боже...» и, начертывая кадилом крест пред святым престолом, возглашает: «Слава Святей и Единосущней и Животворящей и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков». Так Православная Церковь исполняет священную обязанность к своему земному защитнику и покровителю Государю, а тем и каждого из нас учит прежде всего молиться за него же с тою уверенностью, что в мире его будет нам мир и в благоденствии его будет наше общее счастье.

Возглас священника, славословящий Пресвятую Троицу, напоминает, что все мы, просвещённые чистейшим богопознанием и животворимые благодатию Бога Триипостасного, должны приносить Ему честь и славу. Поэтому на сей возглас и отвечает хор, или чтец, новозаветным Ангельским славословием: *Слава в вышних Богу и на земли мир!* После сего следует чтение избранных псалмов, ектения великая, кафизмы, песни, приличные дню.

Вся утренья может быть разделена на три главные части: в первой части находится *шестопсалмие*, во второй – *канон*, третья начинается *славословием*.

В первой части утрени важнейшее чтение есть *шестопсалмие*, или чтение шести избранных псалмов. Церковь заповедует – «да глаголем их со всяким вниманием и страхом Божиим, яко Самому собеседующе Христу Богу нашему невидимо и моляще о гресех наших» (Слу-

жебник). И действительно, они так трогательны, утешительны и поучительны, что способны в самом великом грешнике возбудить чувства покаяния и надежды на милосердие Спасителя – душу, поражённую самою лютою скорбью, утешить и ободрить.

Содержание их следующее: *Господи, что ся умножиши стужающим ми?* Так жалуется молящийся на множество врагов своего спасения, но успокаивает себя твёрдою надеждою на помощь небесную и не боится тем⁵ врагов, нападающих на него. Он уверен, что от Господа спасение и на верующих благословение Его (Пс. 3).

Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, – молится трепещущий пред правдою Божиею грешник, чувствуя всю виновность свою пред нею, сознавая, что несть мира в костях его от лица грехов его, что беззакония превзыдоша главу его и как бремя тяжкое тяготит его. Никто не утешит оплакивающего грехи свои. К одному Богу Спасителю вопиет он: *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего* (Пс. 37).

Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю – так начинает благочестивая душа изъяслять пламенное стремление своё к Богу и желание видеть славу Его во святилище. Любящий Бога воспоминает о Нём на постели своей, помышляет о Нём *на утренних* — в часы утра, в крове⁶ крил Его радуется и здесь чувствует себя безопасным от врагов, ищущих души его (Пс. 62).

После сего верующий, чувствуя благодатное утешение, произносит славословие и хвалу – *аллилуия* Пресвятой Троице, а потом опять, как бы подавленный сознанием бедствий греха, молится: *Господи Боже спасения моего, во дни воззвах и в нощи пред Тобою... Исполнися зол душа моя, и живот мой аду приблизися*. Кающемся мнится, что не только знаемые удаляются от него и полагают его мерзость себе, но и Господь отрывает душу его; он продолжает взывать к своему Спасителю: *да внидет пред Тя молитва моя: приклони ухо Твое к молению моему* (Пс. 87).

Утешение благодати снова входит в сердце кающегося, и он в святом восторге вопиет: *Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его!* Господь очищает все наши беззакония, исцеляет все недуги, избавляет жизнь нашу от истления, Он – Отец щедрый и многомилостивый и знает все наши немощи. Милость Его от века и до века на боящихся Его. Да благословят Его все Ангелы и все создания! *На всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа* (Пс. 102).

Но и после того, как прощены нам грехи и мы введены в царство благодати, можем ли похвалиться святостию? Можем ли не сознавать опять недостойнства нашего пред Всесвятым? Потому ещё молимся: *Господи, услыши молитву мою... не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живий*. Враг гонит нас, но мы воздеваем руки к Господу, жаждем Его, как земля безводная, и молимся, да покажет Он путь Свой нам, да научит творить волю Свою и Духом Благим да наставит нас на стези правыя (Пс. 142).

В половине шестопсалмия является священник пред царскими дверьми и, соединяя свои молитвы с нашими, ещё более укрепляет нас в уповании на милосердие Всесвятыя Троицы. Он читает двенадцать молитв, молясь Триипостасному Богу о всех стоящих пред лицом славы Его, да спасёт нас силою Своею, да отженет мрак от сердец наших, да помянет всех на земле и на море требующих помощи Его; под конец славословит и благодарит Господа за дарование нам света дневного и просит о свете духовном благодатном.

К ободрению же и утверждению душ наших в надежде спасения служит и та песнь, которую слышим после великой ектении и пред чтением кафизм, – песнь, славящая спасительное пришествие Господа на землю: *Бог Господь, и явился нам, благословен Грядый во имя Господне!*

⁵ От слова «тьма» – десять тысяч. – *Ред.*

⁶ Под кровом, под покровом. – *Ред.*

Она взята из псалма 117 (см. ст. 26 и 27) и соединяется с другими стихами этого псалма (1, 11, 17 и 22).

Во второй части утрени важнее всего *канон*. Составим понятие о песенных канонах церковных. Слово *канон* – «правило» – означает, что сии песнопения составлены по особым правилам. Обыкновенно состоят они из восьми песней, из коих каждая содержит в себе несколько малых песней: *ирмос*, или начальную, образцовую песнь, и три или четыре *тропаря* – песни, имеющие *обращение*, сообразное с *ирмосом*, и равные ему по пространству. (*Ирмос* происходит от греческого слова, значащего *связывать*, а *тропарь* – от слова, коего значение *обращать*.) Последний тропарь в каждой из восьми песней относится к Богородице, к Которой Церковь чаще всего обращается как высшей всех святых и сильнейшей Ходатаице нашей пред Спасителем. Основание своё каноны имеют в священных песнях, большею частию ветхозаветных, из коих заимствуют выражения и таким образом от древних прообразований и пророчеств возводят нас к событиям новозаветным, от чудес Божиих древних к дивным действиям благодати новым.

Первая песнь имеет отношение к благодарственной песни Моисеевой, воспетой по переходе чрез Чермное море: *Поим Господеви, славно бо прославися* (Исх., гл. 15), и славят десницу Господню, прославленную в крепости, возвышая тем дух наш к Божественному Победителю зла и смерти, избавившему нас от плена вечного.⁷

Третья песнь имеет основание в молитве св. Анны, матери Самуила, благодарившей Бога за разрешение своего неплодства: *Утвердися сердце мое в Господе* (1 Цар., гл. 2), и изображает молитвенные чувствования или всей Церкви, прежде неплодной, а ныне веселящейся о многих святых чадах своих, или каждой души христианской, просящей утверждения себе в Господе.

Четвёртая песнь, подражая песни пророка Аввакума: *Господи, услышах слух Твой и убояхся* (Авв., гл. 3), с благоговейным трепетом созерцавшего славу пришествия Божия, славит таинство пришествия к нам Сына Божия.

Пятая песнь заимствует выражения у пророка Исаии: *От нощи утреннюет дух мой к Тебе, Боже* (Ис. 26, 9–21), воспевающего избавление Церкви от врагов и торжество над самою смертию, и молится то о благодатном просвещении, то о мире небесном, то о других плодах Божественного искупления.

Шестая песнь, подобно Ионе, молившемуся в ките: *Возопих в скорби моей ко Господу Богу* (Иона, гл. 2), обращается к Тому, Коего тридневное воскресение прообразовал Иона, и просит Его о избавлении нас от житейских волн и от всех опасностей для нашего спасения.

Седьмая песнь по примеру трёх отроков в вавилонской печи, воспевавших: *Благословен еси, Господи Боже отец наших* (Дан. 3, 26–51), прославляет Святую Троицу – благословенного Бога отцев наших.

Восьмая песнь заимствуется из песни тех же святых отроков (Дан. 3, 52–60) и подобно ей призывает все дела Господни петь и превозносить Владыку всех вовеки.

Девятая песнь имеет в виду новозаветную песнь Захарии, отца святого Предтечи: *Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим* (Лк. 1, 68–79) и предваряется обыкновенно песнию самой Богородицы: *Величит душа моя Господа* (Лк. 1, 46–55). Эта песнь посвящена преимущественно похвале Божией Матери.

Весь состав канона в честь Святой Троицы разделён на три части, кои отделяются одна от другой малыми ектениями и заключаются чтением или пением особенных песней. Так, по третьей песни слышим *седален* – песнь, названную так потому, что древние после третьей песни обыкновенно отдыхали, сидя и слушая чтение поучений или святых повестей. Седальны положены и после каждой кафизмы по той же причине. По шестой песни положено пение *кондака*

⁷ Вторая песнь употребляется только Великим постом. Она заимствуется из обличительной песни Моисеевой: *Вонми, небо, и возглаголю* (Втор., гл. 32)..

и *икоса*, а иногда и чтение *синаксария*, или краткого описания того, что воспоминается в тот день Церковью. Девятая песнь заключается *светильном* – песнию, в которой молимся о ниспослании нам света обыкновенного и особенно богатого.

Последняя песнь есть как бы переход к следующему за тем славословию, содержащемуся в псалмах 148, 149 и 150 и в пространной песни: *Слава в вышних Богу!*

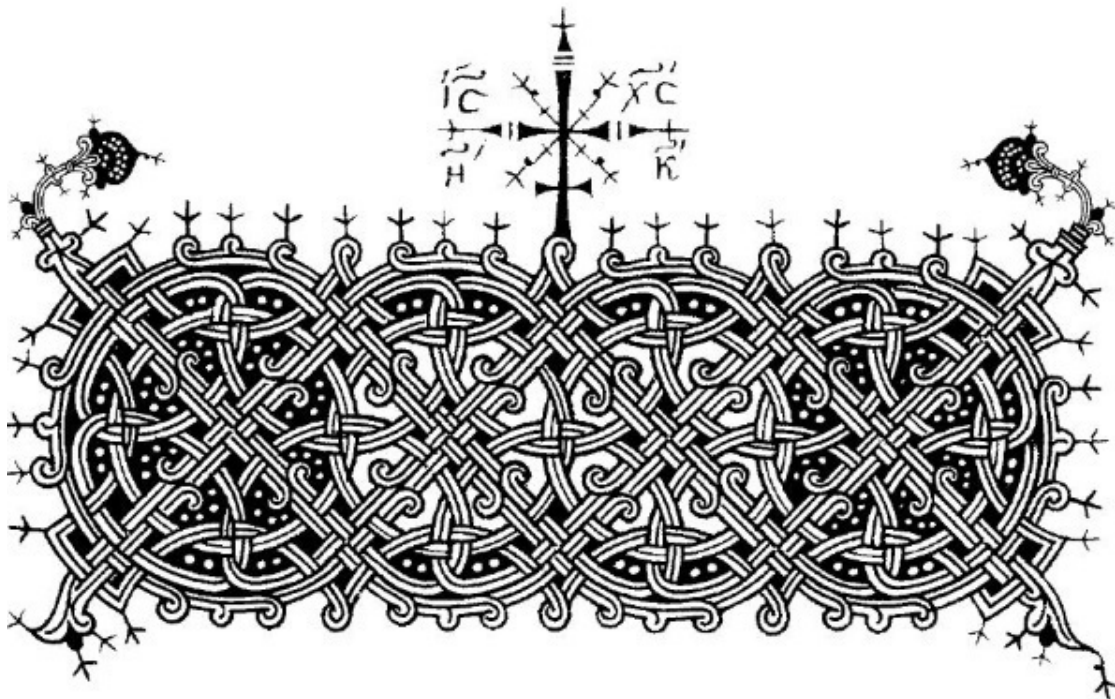
В последней части утрени пение и молитвы приспособлены преимущественно к утру, или началу дня. «Слава Тебе, показавшему нам свет!» – восклицает священник, благодаря Бога как за свет, возсиявший нам во дни, так и за свет веры, просветившей нас подобно солнцу и соделавшей *сынами света и дне* (см.: 1 Сол. 5, 5). Лик отвечает на то песнию «Слава в вышних Богу», в которой благодарим мы Святую Троицу и в особенности Агнца Божия, вземлющего грехи мира, и просим, да сподобит Он нас всё время дня провести без греха. Песнь эта есть древнейшая, ибо о ней упоминают отцы IV века (например, св. Афанасий в книге «О девстве»), и может быть, она есть та самая, которую христиане ещё во II веке, в ранних собраниях, славили Христа как Бога, по свидетельству Плиния в донесении императору Траяну.

После славословия молимся подобно тому, как в последней части вечерни, применяя моление ко времени утреннему.

Совершая или слушая утрению, размышляйте о том, как Господь с великим уничижением был ведён от Анны к Каиафе и какие там потерпел от полуночи до утра ради грехов наших испытания, лютые томления, заушение, оплевания, поругания и немилосердые ударения (Учительное известие). Если же вам недосужно будет вычитать или выслушать утрению, то, вспоминая страшные страдания Господа, претерпенные Им во дворе Каиафы – от полуночи до утра, сотворите молитв Иисусовых триста и положите поклонов пятьдесят.

В. Первый час

Первый час, соответствующий нашему седьмому утра, ознаменован переводом судимого и мучимого Спасителя от Каиафы к Пилату в самом начале дня. В трёх псалмах первого часа (5, 89 и 100) слышим древнейшие молитвы утренние. В первом из них св. Давид изъявляет ревность свою о благочестии и отвращается от нечестивых, молится, *да отпадут они от мыслей своих и да возвеселятся вси уповающие на Господа*. Во втором ещё древнейший Давида пророк Моисей исповедует вечность и величие Творца и ничтожество человека, который как трава: *утро процветет, а на вечер отпадет, ожестеет и исхнет*, и молит, чтобы исполняющий нас завтра милостию Своею всегда призывал на рабов Своих. В третьем опять слышим св. Давида: он воспевает *милость и суд*, изъявляет пред Богом обет свой – удалять и наказывать клеветников и гордых, а приближать к себе одних верных и непорочных и тем научает нас устраниваться от общества развращённых и соединяться с благочестивыми. Затем слышится молитва «Завтра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой...».

Воссияло солнце, яко жених, исходящий от чертога своего: человек должен выйти на дело своё и на делание до вечера. Сколько он может в продолжение дня встретить сетей беззакония, клеветы, недоразумений! Поэтому произносим молитвы из псалма 118: *Стопы моя направи по словеси Твоему: и да не обладает мною всякое беззаконие. Избави мя от клеветы человеческия, и сохрани заповеди Твоя*.

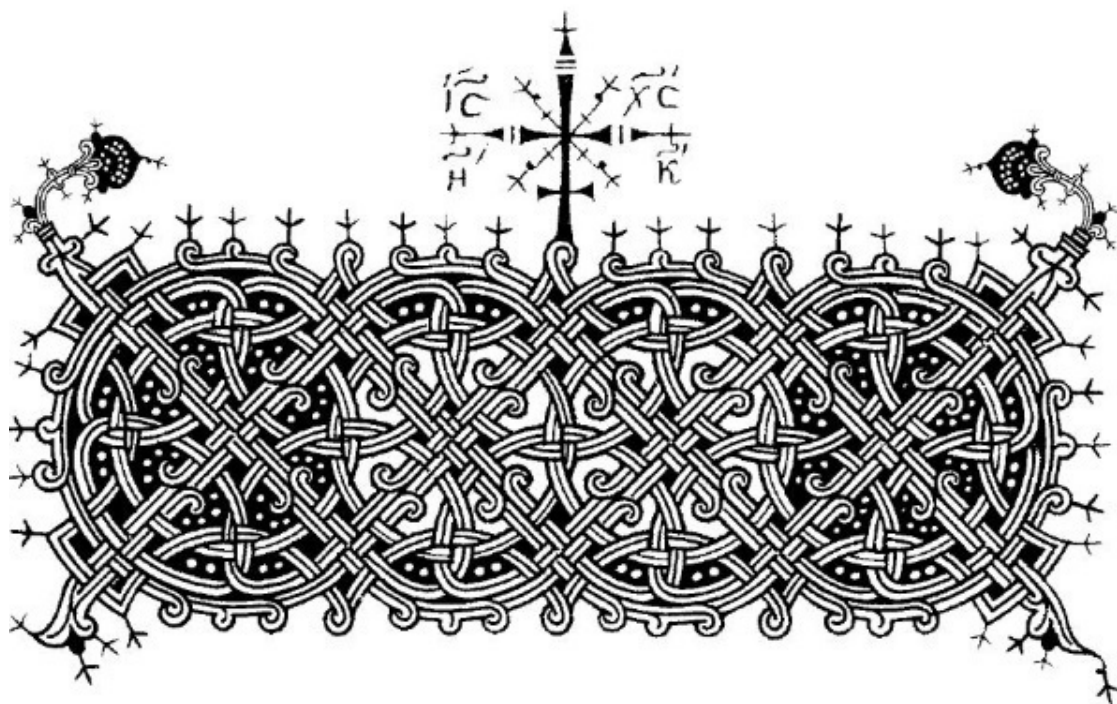
Лице Твое просвети на раба Твоего и научи мя оправданием Твоим. Да исполнятся уста моя хваления Твоего, Господи, яко да воспую славу Твою, весь день великолепие Твое. И после других известных молитв заключаем первый час молитвою к Спасителю, да знаменается на нас свет лица Его и да исправятся стопы наши к деланию Божественных заповедей.

Кроме того, в первом часе есть важные напоминания о Спасителе страждущем. Как *полунощница* напоминает молитву Господа в вертограде и приведение к первосвященнику Анне, *утреня* – приведение от Анны к Каиафе и мучения, претерпенные Спасителем с полуночи до утра, так первый час желает нам пред очи поставить Икупителя, ведомого от Каиафы к Пилату в претор, сопровождаемого клеветою и ненавистию старейшин и архиереев иудейских.

«В совершении первого часа благоговейно да размышляем: како Спаситель наш в 1-й час дня веден бысть в претор от Каиафы к Пилату и како там всего мира Судия от беззаконных архиереев оболган и от неправедного судии осужден бысть» (Учительное известие). Если же вам не случится выслушать или вычитать первый час, сотворите молитв Иисусовых пятьдесят и поклонов положите семь.

Всенощное бдение

Вообще состав утрени во многом сходен с составом вечерни и различается от последнего преимущественно тем, что содержит в себе *канон*, то есть многочисленный состав песней в честь Господа или святых Его. Нельзя не заметить и того, что в вечерне преимущественно воспоминается ветхозаветное, а в утрени – новозаветное домостроительство нашего спасения. Потому-то Святая Церковь, когда имеет совершить особое торжество на великие праздники, соединяет вечерню и утрени в одно целое и таким образом совершает так называемое *всенощное бдение* – полное торжество.

Составители всенощного богослужения соединили и привели в согласие всё разнообразие священных предметов, дабы воскрылить и усладить дух созерцаниями небесного. Для религиозного духа здесь слышим звуки древнейшей в мире богослужебной поэзии в псалмах Давида, вдохновенные речи пророков ветхозаветных и восторженные песни христианских песнотворцев. Для знания и назидания здесь находим догмат, олицетворённую добродетель христианскую, историю, преображённую в живую и трогательную песнь. Даже для внешних чувств попеременно представляют нам здесь чтение, беседу, пение – слуху, облачения, разнообразные действия облаченных, возжжение светильников, по временам каждение – очам и обонянию. Мы привыкли видеть и слышать эту святую службу и потому не всегда живо чувствуем её силу, важность и дух благочестия, повсюду движущийся в ней. Но не по нашим чувствам, часто вялым и слабым, должно судить о ней. «Мы думали, что на небесах стоим и слышим Ангельские гласы», – говорили те, кои в первый раз услышали службу и священнодействия Православной Церкви. Вот минута, когда и чувственный, не просвещённый верою человек может постигнуть дух нашего богослужения, не понимая даже языка его.

Всенощное богослужение, равно как и другие виды наших православных служб, составлено из четырех стихий: а) из Святого Писания, б) из песней христианских песнотворцев, в) из молитв разного рода, г) из священнодействий.

1. Из Святого Писания заимствуются для всенощной – а) псалмы, б) паремии, в) утренния Евангелия. А. Касательно употребления псалмов должно заметить следующее: боговдохновенные песни Давида всюду являются в утреннем богослужении и проникают его собою – то в виде кратких стихов, то в виде припевов, то как *прокимны*; входят целыми отделениями, содержащими по несколько псалмов, каковы шестопсалмие, рядовые кафизмы.

Б. Кроме псалмов на всенощных бдениях читаются и другие места из Святого Писания, так называемые *паремии*. Паремии избраны по верному религиозному вкусу и по строгому закону приличия с обстоятельствами той службы, в которой предлагается их чтение, и потому в них выражаются сущность и характер празднственного служения. Сама Церковь старается возбудить в нас особенное к ним внимание, повелевая пред чтением их служителю алтаря возглашать знаменательные слова: «Вонмем, премудрость!»

В. Между *степенными* и канонам на всенощном бдении читается Евангелие. Утренние Евангелия двух родов: одни на праздники Господние, Богородичные и великих святых; содержанием их бывают самые предметы праздников; другие – Евангелия воскресные; содержанием их служит история о Воскресении Господа, явлениях Его по Воскресении и по Вознесении на небо.

2. Новозаветные песни: тропари, кондаки, каноны и прочие, – имея свои особые имена, звуки и дух, образуют обильнейший источник чувства и назидания; они преимущественно отличают службу одного дня от другого дня, один предмет службы от другого, они суть характер, олицетворение воспоминаемого в службе лица или события, они – самое это событие, преобразившееся в живую, часто восторженную песнь или песнь, восторгающую благочестивое чувство к наслаждению предметами духовными, питающую и воцерковляющую дух от мирского рассеяния и жизни внешней.

Взаимное отношение всенощных богослужебных песней можно представить в следующем виде: *кондак*, полагаемый обыкновенно по шестой песни канона, можно назвать *темою* всех песней службы, которая кратким песненным языком выражает главный предмет. Дневной или праздничный *тропарь* есть первое *развитие темы* в чертах более полных и определённых: это – род *разделения темы*. Ближайшее развитие тропаря, особенно же кондака, есть *икос*: он есть тема, перешедшая из предложения в полную *строфу*, иногда в краткую *оду*. Ближайшее развитие и расширение мысли и духа, движущегося в икосе, суть *стихиры* — на «Господи, воззвах», литийные, стиховные, хвалитные: это суть полные, иногда значительно обширные оды, имеющие не всегда равное число строф – четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать. Полнейшее развитие од стихирных есть *канон*, состоящий из трёх, девяти и обыкновенно из восьми песней, или од, из коих каждая бывает из трёх, четырёх, пяти и шести строф, или тропарей вместе с ирмосом, который в каждой песне канона служит *связью* для последующих строф. Если бы случилось, что внимание и дух молящегося каким ни есть образом растерялись во множестве и разнообразии тонов, то Церковь положила собирать их ещё некоторыми краткими песнями – разительными, по удобным местам службы расположенными весьма искусно. Отсюда – *седальны*, *неседальны*, *степенны* и *антифоны*, *стихиры* – *попоишелейные*, *поевангельские*, *световодственные*, или *светильны*, *ексапостилариис* и др. Простой взгляд на расположение и взаимное отношение отдельных песней показывает, как связна и стройна целая песнь, составляющая всенощную службу нашу Богу, как разнообразны, но не разногласны тоны её и вместе как сообразны с свойствами то молящегося, то торжествующего духа. Главная мысль, или *данное* службы, первоначально являясь кратким в кондаке, возрастает в тропаре и икосе, облекается в величие и торжественность в разнообразных стихирах, получает полнейшее и как бы окончательное образование в канонах; по временам даёт отдельные тоны и отголоски то умиленные, то возвышенные в отдельных стихах небольшого размера.

3. Молитвы на всенощном бдении одни читаются тайно священнослужителями, другие возглашаются вслух. В начале всенощной, когда читается или поётся предначинательный

псалом 103 «*Благослови, душе моя, Господа...*», священник тайно, пред царскими вратами, читает так называемые *молитвы светильничные*, в которых просит Господа, дабы Он просветил очи сердец наших в познание истины, облёк нас в оружие духовного света, избавил нас от страха ночного и всякия вещи, во тьме преходящая, и проч. Когда читается *шестопсалмие*, мы опять видим священника Божия, уединённо стоящего пред царскими вратами алтаря, как пред дверьми заключённого рая. Избранный и освящённый ходатай у Бога за предстоящий в храме народ, он изрекает в это время свои *двенадцать утренних молитв*, в которых всеумиленно благодарит Господа, возставившего от сна народ, собравшийся на славословие Божие, испрашивает ему помощи небесной, умоляет Владыку жизни, да помянет на небесах каждого из предстоящих в храме по имени, да покажет нас сынами света и дня и во множестве щедрот Своих да не забудет не только находящихся в храме, но и по всей земле, и на море, и на всяком месте владычества Божия и проч. Молитвы эти проникнуты глубочайшим духом благочестия и умиления и исполнены неизъяснимой духовной сладости.

Другой род молитв на всенощном богослужении – общий, впрочем, ему и другим церковным службам – составляют наши ектении, великие и малые, – молитвы по преимуществу общенародные, или молитвы *напряжённые*. В них для каждого звания общественного выражены существенные потребности и прошения. Государь – глава народа, его фамилия – украшение престола и государства, его воинство – защита Церкви и Отечества, правители церковные, правители гражданские, весь народ, благосостояние Церкви и народа, благосостояние видимой природы – *воздуха и плодов земных*, облегчение участи страждущих, плененных, огорчённых душою, плавающих, путешествующих, и Ангел, хранитель жизни нашей, и день святой и безгрешный, и полезное душам нашим, и христианская кончина – всё это не забыто, и обо всём приглашают нас крепким воплем сердечным взывать ко Господу, да помилует Он всех и всё подаст нам.

Но как бы не довольствуясь одними священническими и общенародными молитвами, Святая Церковь *земная* «среди всенощного бдения и среди храма, *с воплем крепким и со слезами* молит Господа Бога *молитвами всей небесной Церкви* услышать нас грешных, молящихся Ему, благоприятну сотворить молитву нашу, даровать нам оставление прегрешений наших, покрыть нас кровом крил Своих, отогнать от нас всякого врага и супостата, умирить нашу жизнь, помиловать нас и мир Свой и спасти души наша». Это – молитвы «*Спаси, Боже, люди Твоя...*», читаемая диаконом, и «*Владыко Многомилостиве...*», читаемая священником на литии.

4. Последняя стихия всенощного богослужения, больше видимая и меньше понимаемая, есть внешний образ действий, являющихся при совершении оно́го. Оно назидает нас не одним языком словесным, но и языком действий. Видим служителей Божиих – то действующих внутри алтаря, то исходящих в притвор, то являющихся на середине храма, то пред царскими вратами, то обращающихся на восток, то на запад, выходящих либо царскими, либо северными дверьми. Видим каждение – то близ алтаря, то по всему храму, замечаем то уменьшение, то умножение света от светильников и т. п. Всё это кроме приятности и разнообразия осязаемого имеет важный смысл и глубокое назидание.

При самом начале всенощной отверзаются царские врата, как бы Небесного Царствия, и священник возглашает славу Святой Троице, открывая верующим сию неисповедимую глубину естества Божия, а вслед за тем призывает их поклониться Тому, чрез Кого единственно тайна эта сделалась доступна людям, т. е. «Христу, Цареву и Богу нашему». После сего священник с кадилом в руках, предшествуемый диаконом, несущим светильник, идёт по всей церкви, чтобы никакая часть храма не лишена была света благодати Христовой и исполнения Святаго Духа, образуемого фимиамом. Огонь и фимиам в эту торжественную минуту напоминают также Творческий глас: «Да будет свет» (Быт. 1, 3) и Духа Божия, носившегося над бездною во время творения мира, ибо во всё время сего хода лики поют величественный пса-

лом Давида «Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело... вся премудростию сотворил еси...» (Пс. 103), изображающий в самых вдохновенных стихах дивную картину мироздания. Господь одевается светом, как ризою, простирает небо, как шатёр, и полагает облака на восхождение Своё, ходит на крыльях ветра, творит Ангелов Своих пламенем огненным, основывает землю на тверди её и даёт ей одеянием бездну. Воды боятся гласа Его грома, и дан им предел, егоже не прейдут, источники в дебрях напояют зверей сельных, при них обитают небесные птицы, земля же насытится от плода дел своих, и хлеб сердце человека укрепит. Солнце познало запад свой, и бысть ночь, во тьме которой скитаются дубравные звери – взыскать себе от Бога пищу, но воссияет солнце – и они в ложах своих лягут. Тогда выходит человек на делание своё до вечера. Далее восторженный Давид уже прямо обращает речь свою к Господу: «Исполнилась вся земля твари Твоей, все от Тебя чают исполниться благами; отвратишь лице – и возмзутся, отымешь дух – и исчезнут, но пошлешь Духа Твоего – и созиждутся, и обновишь лице земли, призришь на землю – и трясётся, прикасаешься горам – и дыматся. Буди слава Господня вовеки! Пою Богу моему, доколе есмь, да усладится Ему беседа моя... яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!»

Но недолго человек наслаждался таким чистым созерцанием дел Божиих. Он пал, и рай сладости для него заключился. Изгнание из рая первых людей изображается закрытием царских врат вместе с окончанием псалма. После первой ектении оба хора поют стихи, избранные из трёх первых псалмов, как бы увещательные речи, излетающие из утраченного рая. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... и путь нечестивых погибнет. Работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом. Блажени вси надеющиеся Нань. Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой. Господне есть спасение, и на людех Твоих благословение Твое». Каждый выразительный стих сей отделён Ангельским припевом «Аллилуия».

Потом хор, подражая изгнанному Адаму, как бы от лица всего человечества, подвигнутого душевною болезнью о своём падении, восклицает: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя, услыши мя, Господи... внемли воззвату моему к Тебе... Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку мою жертва вечерняя...» (см.: Пс. 140, 1–2). В эту минуту является диакон с кадилом, знаменуя оным те жертвы, какие приносились Богу от начала мира и предобразовали грядущую искупительную жертву Богочеловека, а лицом своим представляя служителей Божиих, которые посылались в мир для возвещения о Мессии. Между тем хор продолжает взывать: «Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему...» и начинает уже к стихам псалмов прибавлять другие стихи – новозаветные, изображающие празднество дня, как бы в радостном ожидании искупления. «Аще беззакония назириши, Господи, Господи, кто постоит? Яко у Тебе очищение есть... От стражи утренней до ночи, от стражи утренней да уповаеет Израиль на Господа». И, провидя наконец скорое спасение, восклицает: «Яко у Господа милость, и многое у Него избавление: и Той избавит Израиля от всех беззаконий его. Хвалите Господа, вси языцы...» Тогда при новом отверзтии царских врат хор воспекает славу Триединому Богу вместе с песнию о воплощении.

Во время пения Богородична, или догматика, является из алтаря священник в образе обещанного Спасителя, предшествуемый диаконом с кадилом и светильниками, как Предтечею и пророками, и при возгласе: «Премудрость, прости!» снова входит в алтарь, а лики поют трогательный вечерний гимн Спасителю: «Свете тихий святых славы Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достоин еси во все времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот давая; темже мир Тебя славит». Выразительный гимн этот ясно изображает, как на закате первобытного света, данного миру, и уже на вечере человечества воссиял для него новый, тихий свет в кротком лице Спасителя ради немощи смертных умеривший в Себе бессмертную славу Небесного Отца.

После прокимна накануне праздников читаются пророчества и притчи, или *паремии*, предзнаменующия подобиями и изречениями, извлечёнными из Ветхого Завета, события Нового. Усиливаются молитвы верующих – в ектении сугубой, после которой читается или поётся умирительно «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохраниться нам...» – в ектении просительной и литии, для которой священнослужащие выходят из алтаря в притвор по древнему милосердому обычаю, чтобы и кающиеся, коим запрещён был вход в церковь, могли хотя на краткое время участвовать в общей молитве. Здесь молятся о всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, кающейся и милости Божией требующей, и, призывая ходатайство всех небесных сил и святых угодников, просят, чтобы Господь всем нам даровал оставление грехов и таким образом умирил нашу жизнь.

Входя из притвора в трапезу или в храм, лики поют стихиры на стиховне. Вечерня приближается к концу: мы уже довольно насладились созерцанием грядущего Спасителя миру, души и сердца наши с верою и любовью стремятся к Нему, все наши надежды и упования почтили на Нём... Чем умирительнее докончить вечерние наши молитвы, если не молитвою св. Симеона Богоприимца, который, после стольких годов ожидания удостоясь наконец видеть и принять в свои объятия Мессию, радостно воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля». Здесь же во время Ангельского привета Пресвятой Деве «Богородице Дево, радуйся...» настоятель благословляет хлебы, пшеницу, вино и елей для подкрепления верных, в древности молившихся всю ночь, и для напоминания нам о той духовной пище, какую ниспослал нам Господь – хлеб истинный, сходящий с небес (см.: Ин. 6, 50) – в словах Писания и других благодатных дарах Своих, за которые *благословляя Господа*, настоятель именем Господним благословляет предстоящих и молящихся в храме, среди которых тихо начинается утренняя – воспоминание уже не образов и гаданий ветхозаветных, а событий Нового Завета.

По древнему обряду, к началу шестопсалмия должны погашаться все лампы, кроме малого света в алтаре и пред иконами Спасителя и Божией Матери, и среди всеобщего безмолвия и полумрака внезапно раздаётся один только голос: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!» Трижды повторяемый, голос этот напоминает Ангельский привет вифлеемским пастырям в ночь Рождества Христова. Потом избранный чтец уединённо посреди церкви возглашает дважды: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою», чтобы тем приготовить к большему вниманию слушающих, и начинает *шестопсалмие*, которое должно выражать внутреннюю беседу христианина со Христом, родившимся от Девы Марии и в яслях положенным, беседу словами утренних шести псалмов, посему чтение это всегда совершается с особенным благоговением, и священник выходит пред царские врата – присовокупить свои тайные молитвы к безмолвному молению паствы. В первом псалме изображается твёрдое упование души на Бога. Второй псалом есть вопль болезненной души, преследуемой бедствиями мира. Третьим псалмом выражается утренняя утешительная молитва. *Слава* и тройное *аллилуия* в честь Пресвятой Троицы отделяют эти три первые псалма от трёх последующих, в коих Давид то представляет нищету свою Богу, то, проникнутый благодарностию при воспоминании всех благодеяний Божиих, велит душе своей благословлять Господа и всей внутренности своей – имя святое Его и не забывать всех воздаяний Его; наконец, в последнем псалме ещё раз просит Господа услышать его в правде Своей и не внити в суд с рабом Своим. *Слава* и *аллилуия* заключают псалмы.

После великой ектении оба хора громко и радостно поют: «Бог Господь и явился нам...» и, как бы готовясь на Его сретение, восклицают: «...благословен грядый во имя Господне!»

Затем в пении тропаря изображают торжество дня, возбудившее их духовную радость. И в подражание древним христианам, всю ночь на воскресные и праздничные дни проводившим в торжественном стихословии Псалтири, читаются кафизмы с *славами* и ектениями.

Вот наступило время *полиелей*: вся Церковь в это время ярко освещается светом лампад и ещё ярче – духовным светом евангельского благовестия, чтобы насладиться не только слышанием, но и самым зрением слова Божия, исходящего к народу из тайной внутренности алтаря. С открытием царских врат оба хора попеременно воспевают избранные стихи из 19-й кафизмы с умильным припевом «Аллилуия», как бы исключительно посвящённым утреннему служению. «Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа!» – восклицает один лик, а другой в ответ ему: «Благословен Господь от Сиона, живой во Иерусалиме», и опять первый призывает: «Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его», а другой поясняет слова сии, пополняя: «Исповедайтесь Богу Небесному...», но то же убеждение в устах обоих: «...яко в век милость Его». Само слово «полиелей» значит «многомилостивое».⁸

Во время пения «Хвалите имя Господне...» предстоятель в образе Самого Спасителя со служащими исходит из алтаря и обходит всю Церковь с благовонным кадилом и светильником, ибо всех просвещает свет Христов и посещает благодать Его. Потом, если совершается праздник Господень, или Богородицы, или великого святого, поют пред иконою праздника, лежащею на аналое среди Церкви, величание ему, а хор отвечает тем же величанием с припевами стихов псаломных; если же всенощная воскресная, то все песнопения её посвящены бывают памяти дивного восстания Спасова из мёртвых и Евангелие всегда читается воскресное – одно из одиннадцати воскресных Евангелий, следующих одно за другим. Но пред Евангелием о воскресении в ожидании радостной вести воспоминается раннее пришествие мироносиц и учеников к упразднённой гробу и самое изумление небесных Сил при воззрении на Божественного Мертвеца, всё Собою оживившего: «Ангельский собор *удивися*, зря Тебе в мертвых вменившаяся...» Так Ангелы, но не так мироносицы: «Мироносицы жены, с мира пришедша ко гробу Твоему, Спасе, *рыдаху*...» И эти два противоположные впечатления Ангелов и человеков соединяются в одну песнь трогательным восклицанием: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим», которое Церковь поёт и над усопшим Христом – над плащаницею в Великую субботу и над усопшими во Христе в надежде воскресения. А вслед за тем все верные призываются поклониться вместе с серафимами, поющими *Трисвятое* Отцу и Сыну и Святому Духу.

После малой ектении поются или читаются в высшей степени назидательные и умиленные так называемые антифоны степенны. Они составлены по образцу псалмов Давидовых, составляющих 18 кафизму, каждый псалом которой называется «Песнь степеней» (см. псалмы 119–133).

Псалмы сии петы были израильянами в древности на пути и на ступенях, ведших в храм Иеговы. Должно полагать, что и антифоны степенны положено у нас петь или читать пред Евангелием на всенощных бдениях для того, чтобы постепенно готовить христиан к нравственному восхождению *до духа Христова*, сокрытого в евангельском учении. Ибо если взять во внимание все антифоны степенны (которых в каждом гласе девять, а в восьми гласах – семьдесят два), то в них можно видеть удивительную, самую верную и постепенную, так сказать, лестницу к нравственному усовершенствованию (см. книжку «О церковном Октоихе» епископа Модеста). Жаль только, что большинству известны хотя самые умиленные, но немногие антифоны – стихи 4-го гласа: «От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой. Ненавидящий Сиона, посрамится от Господа, яко трава бо огнем будете изсохше. Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством священнотайне». Но по этим стихам можно судить о других.

⁸ Греческое *eleos* переводится как «масло» и как «милость». – *Ред.*

Когда же по прочтении Евангелия оно представляется верующим для поклонения и целования, лики, уже как бы очевидцы Воскресения, возглашают: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу... Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем... Се бо прииде Крестом радость всему миру... распятие бо претерпев, смертью смерть разруши». Сознывая и чувствуя, что в такие торжественные минуты оставаться грешником уже нельзя, верующие для очищения множества согрешений своих прибегают и к молитвам апостолов, и к молитвам Богородицы, и к покаянному псалму Давидову «Помилуй мя, Боже...», и ко всей, наконец, Церкви небесной.

И, помолившись усердно, в воскресные дни подходят к поклонению и целованию Евангелия, а в праздники – святой иконы, причём помазуются освящённым елеем для получения духовного и телесного освящения.

Между тем как верующие подходят к Евангелию или иконе, чтецы и певцы начинают петь и читать *канон*, или правило, составленное из девяти песней, в честь воскресения Христова, праздника Господнего, или Богородичного, или известного великого святого.

Каноны сии приняты были в состав утреннего богослужения в седьмом и восьмом столетии, и большая часть их написана красноречивым Дамаскиным, другом его Космою, епископом Маиумы⁹, и другими святыми песнописцами, которые обогатили ими Церковь на торжественные дни её и определили самый напев их – на восемь разных голосов. Первый стих каждой песни называется *ирмосом*, или связью всех других, по образцу его писанных, и основная мысль его заимствуется из песней ветхозаветных. На 9-й песни диакон с кадилом в руках, как бы вспоминая посещение Богоматери дома Захарии, приглашает верных возвеличить песнями Матерь Света – и хоры прославляют Богородицу собственно Её высокою песнию, которую Она, Всесвятая, воспела при посещении Елисаветы: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем», а в припевах превозносят Её: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...»

Вслед за каноном читаются и поются светильны и ещё три хвалебные псалма, перемешанные с праздничными стихирами. Тогда как в этих псалмах вся тварь – небо и земля – совокупляются воспевать славу Творца своего, при окончании их священник при отверзтых царских вратах полагает начало великому славословию возгласом: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» В древности настоятель произносил слова сии к собранию верных, когда по всенощном бдении видел наконец, что заря уже занималась на востоке, и христиане, прежде нежели им разойтись, исповедовали ещё однажды, в одном великом и общем славословии, собранном из песней обоих Заветов, Божество Искупителя. Они начинали словами Ангелов, прославивших Вифлеемского Младенца, и кончали трисвятою песнию серафимов со славую Пресвятой Троице. Нельзя не знать этой великой песни от начала до конца её и не умиляться сердцем особенно при её воззваниях к кроткому Агнцу, вземлющему грехи мира и сидящему одесную Отца. Ветхий и Новый Завет отзываются в каждом стихе её. У нас она поётся просто, но надобно слышать эту песнь на Востоке, чтобы иметь ясное понятие о её торжественности. Там архиерей сходит на средину церкви, принимает в руки свещники и, осеняя народ, возглашает: «Слава Тебе, показавшему нам свет!», а всё духовенство вокруг него начинает петь вместе с ликами: «Слава в вышних Богу...»

Сугубая и просительная ектении с молитвою главоприклонения, за коею следует благословение настоятеля, кончают утреню. Первый час, читаемый опять в полумраке, как шестопсалмие, заставляет христианина углубиться в самого себя при слышании молитв его, по окончании которых священник ещё раз выходит из заключённого алтаря и молит, чтобы Христос, Свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, знаменал на нас свет лица Своего и исправил стопы наши к деланию заповедей Его.

⁹ Преподобный Косма, епископ Маиумский, творец канонов.

Хор громко и торжественно возглашает победительную песнь Божией Матери «Взбранной Воеводе...», по окончании которой делается отпуст (см. «Письма о богослужении Восточной Кафолической Церкви» А. Н. Муравьёва, V и VI письмо).

III. Дневное богослужение

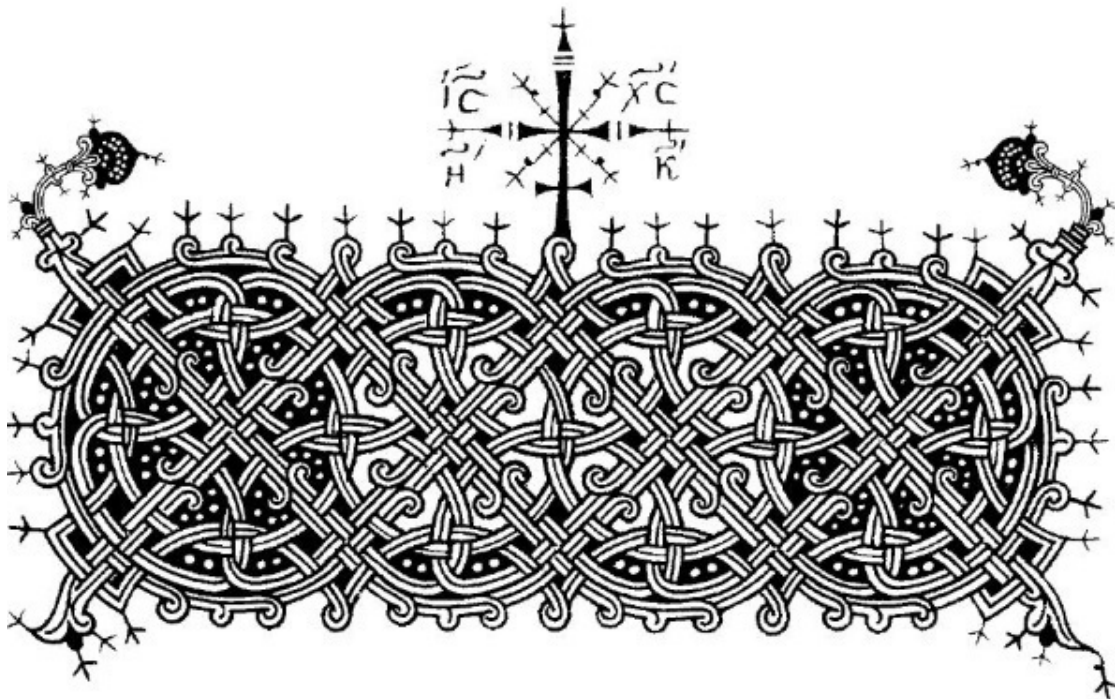

Около полудня Церковь представляет нам самый божественный предмет для молитвы, для размышления и поучения – третий час, шестой час и Божественную литургию.

День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом чрез творение и промысление Творца Вселенной. День христианский есть проповедник того же величия и славы в мире христианском, явленных чрез искупление и восстановление рода человеческого. День каждого человека есть новая жизнь его, определяющая разные роды деятельности, связанные с теми же выгодами и неудобствами, с которыми связана жизнь наша вообще. Дневное богослужение Церкви объемлет день наш в этих трёх отношениях.

А. Третий час

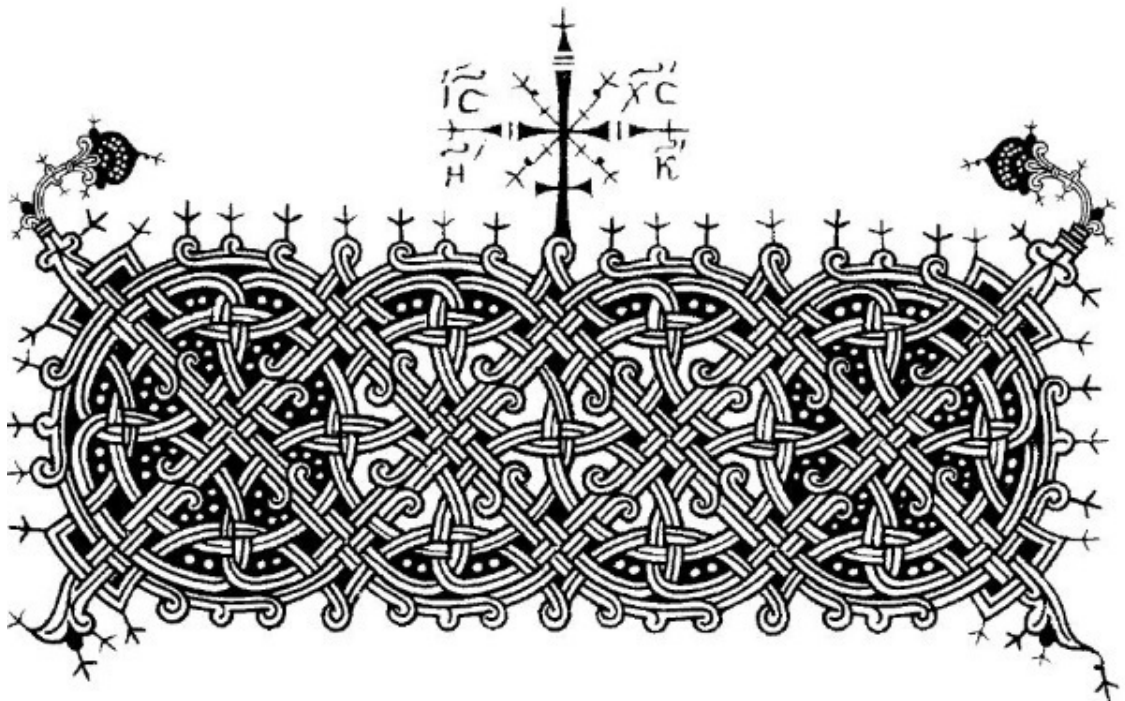
С течением дня и переменою часов изменяются потребности и характер нашей деятельности; псалмы и молитвы третьего часа приурочены особенно к этому изменению. Служба третьего часа напоминает нам, с одной стороны, страдания Господа от времени осуждения до исшествия Его на Голгофу (Мф. 27, 27–32), а с другой – сошествие Святого Духа на апостолов, последовавшее в третий час дня (Деян. 2, 15). Псалмы на третьем часе положены такие, которые содержат в себе указание на означенные события. Воспоминая страдания Господа нашего Иисуса Христа, бывшие на суде у Пилата и Ирода от третьего до шестого часа, Святая Церковь избрала для службы третьего часа 16 и 24 псалмы, в которых пророчески изображаются, с одной стороны, наветы и злоба иудеев на Искупителя и Его неповинное страдание, а с другой – выражается внутреннее состояние Господа, окружённого неистовыми врагами. Это молитвенный вопль страждущего: *Объяша мя, яко лев, готов на лов, и яко скимен, обитаяй в тайных.* <...> *Видждь враги моя, яко умножишася и ненавидением неправедным возненавидеша мя.* Воспоминая другое, необыкновенное событие, которым в христианстве ознаменован третий (по нашему счёту девятый) час дня, – сошествие Святого Духа на апостолов в виде огненных языков, Святая Церковь, в 50-м, покаянном псалме, положенном на этой же службе третьего часа, и следующих за ним тропарях просит Господа очистить сердце наше и обновить дух наш благодатным действием Святого Духа: «Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих ти ся». *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене.* Молитва самая необходимая для нас, потому что без благодати Святого Духа мы вообще бессильны на дела благая, и потому, в частности, что ходим посреди сетей многих – соблазнительных, часто омрачающих сердце наше и колеблющих дух наш. Закljučается третий час краткою, но весьма сильною молитвою св. Василия Великого к Пресвятой Троице: «Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный Иисусе Христе и Святой Душе, едино Божество, едина Сила, помилуй мя греш-

наго и, имиже веси судьбами, спаси мя, недостойного раба Твоего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Совершая третий час во умилении сердца, благоговейно, да размышляем, как Спаситель наш в третий час дня был судим Пилатом и какие тогда потерпел различные поругания и заушения, как, привязанный к мраморному столбу, понёс лютые раны и вместе с сим венчание острым тернием и другие нестерпимые муки, чтобы нас освободить от мучительства диавольского. К сему в то же время прилично размышлять и о том, как Дух Святой в третий час дня сошёл на святых апостолов в огненных языках, – и, таким образом размышляя, молить Господа, чтобы Он и нам подал Духа Святаго к духовному просвещению и к достойному прохождению христианской жизни. Если же вы почему-либо не совершите и не выслушаете третьего часа, то сотворите за него пятьдесят молитв Иисусовых и семь поклонов положите.

Б. Шестой час

Бе... час... яко шестый. Тогда... предаде Его им, да распнется. И нося крест Свой, изыде Иисус в глаголемое лобное место... идеже пропяша Его... (Ин. 19, 14, 16–18). Вот та священная страшная година, которую напоминает служба шестого часа. Сообразно с целию установления этой службы избраны Церковию псалмы 53, 54 и 90-й. В них гадательно указывается частию на предательство Иудино (Пс. 54, 13–14), частию на ненависть и убийство иудеев, искавших смерти Господа, частию на землетрясение и мрак, покрывавший землю от шестого часа до девятого (Пс. 54, 6), частию на победу над смертью и адом, частию же описывается история внутренних чувств Искупителя на Кресте. Он изображается волею приносящим Себя в жертву за грехи мира: *Волею пожру Тебе* (Пс. 53, 8), а в псалме 90 внушается мысль, что уповающего с твёрдою верою на силу Креста Христова *Господь избавит и покрывает и явит ему спасение Свое* (см.: Пс. 90, 14, 16).

В тропаре шестаго часа молимся: «Иже в шестый день же и час на Кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас». Главная же мысль шестого часа изображена в стихе: «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже, на Кресте пречистей руце Твои простерл еси, собирая вся языки...» В молитве св. Василия Великого читаем: «... избави нас от всякого всегубительного и мрачного прегрешения и всех озлобити нас ищущих, видимых и невидимых враг. Пригвозди страху Твоему плоти наша и не уклони сердец наших в словеса или помышления лукавствия, но любовь Твоею узви души наша...»

Совершая богослужение этого часа, должно размышлять, как в шестой час, соответствующий нашему двенадцатому, Спаситель наш, неся Крест Свой, ведён был на распятие и как немилосердно был пригвождён четырьмя гвоздями ко Кресту на Голгофе посреди двух разбойников, как воины разделили одежды Его, и мимоходящие ругались над Ним, и разбойник, висящий ошуюю Его, хулил Его, и какая тогда была тьма по всей земли (Учительное известие). Если же не совершится и не выслушается вами шестой час, то сотворите молитв Иисусовых

пятьдесят и семь поклонов положите. Так требуется Святою Церковию (см. правило это в конце Следованной Псалтири).

Кроме обычных часов есть ещё так называемые междочасия и часы, совершаемые в навечерие Рождества Христова, Богоявления, в Великий Пяток и на Пасху.

1. Часы и междочасия, состоя порознь из трёх псалмов, трёх тропарей, одного кондака и нескольких весьма трогательных молитв св. Василия Великого, совокупно заключают в себе двадцать четыре псалма, столько же тропарей и молитв и восемь кондаков. В целом составе и в частях они постоянно внушают нам: а) великие дела Божии в мире вообще; б) важнейшие события в мире христианском; в) определяют образ жизни, достойный истинно христианского дня священного, определяют чувства и потребности христианина сообразно замечательнейшим эпохам каждого дня, то есть *первому* — седьмому, *третьему* — девятому, *шестому* — двенадцатому и *девятому* — третьему по полудни часам. Особенно же в наших богослужебных часах воспоминаются события того христианского дня, знаменательнее которого не было и не будет в мире христианском, — дня страданий Господних. Мы часто не можем постигнуть глубокой крестной скорби Искупителя нашего, часто не находим способа раскрыть сию священную скорбь, а она раскрывается в псалмах наших священных часов, для которых главною, можно сказать, темою служат слова Спасителя: *еще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты*. И ещё: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил?* (Мф. 26, 39; 27, 46). Эти боговдохновенные псалмы в известном отношении представляют историю внутренних чувствований, внутренней жизни Искупителя в последний великий день Его земного, уничиженного состояния. А для истинного христианина ежедневное совершение часов есть ежедневная неумолкающая проповедь, живая история таинства искупления и вместе живой образ жизни христианской.

2. Но ещё полнее и обильнее предметами назидания часы, совершаемые в навечерия Рождества Христова, Богоявления и во святой Великий Пяток.

Цари Древней Греции с особенным благоговением присутствовали при совершении этих часов, и потому они получили название *царских*. Ныне и простой народ мало посещает их, а они истинно царские по царственному величию духа, в них движущемуся, по торжественному тону и священной важности, в которую облечены. Слушая их со вниманием, подумаешь, что все древние пророки, все знаменитейшие сладкопевцы Христианской Церкви в священный час стеклись единодушно и согласно воспеть великие тайны — воплощения, Богоявления и страданий Искупителя. Вместо обыкновенных псалмов часовых на царских часах избраны и сведены такие псалмы, которые выражают дух и значение служебных событий. В паремиях слышим глагол вдохновенной и пророчествующей древности, предсказывающей то или другое великое дело Божие. Чтения из Евангелий представляют историю происшествия. Чтения из Посланий и Деяний апостольских выражают догматическую и нравственную мысль оного. Песнь церковная, живая и торжественная более, нежели в обыкновенных службах, то в виде гимна изумляется, славит, призывает небо и землю к хвале Всевышнему, то как молитва изливается в святых чувствах благодарения и покорности Создателю Вселенной, то вводит лица событий действующими и трогательно беседующими и т. п.

3. Особенного рода часы совершаются в продолжение Светлой седмицы. В них нет ни псалмов, составляющих душу обычных часов, ни молитв.

Они суть одна торжественная, непространная песнь, составленная из нескольких стихир, преимущественно повторяемых в пасхальной службе. Эти стихиры суть: а) «Христос воскрес...» — тропарь Пасхи, выражающий сущность праздника и плоды Воскресения Христова; б) стихира поевангельская — «Воскресение Христово видевше...», трогательно призывающая

к поклонению Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному; в) умиленное ипакои – «Предварившия утро яже о Марии...», где Ангел, собеседник святых жён, повелевает тещи и миру проповедать, яко воста Господь; г) кондак Святой Пасхи: «Аще и во гроб снизшел еси, Безсмертне...»; д) к ним присоединяются ещё три превосходных тропаря: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог...», «Яко живоносец, яко рая краснейший...», «Вышняго освященное Божественное селение...». На все четыре церковномолитвенных часа Церковь положила воспевать одну и ту же вышеозначенную службу, преемственно повторяя её. Этим выразила она ту мысль, что истинная, глубокая духовная радость обнаруживается не многословием, а частым изумляющимся и благоговейным повторением одних и тех же слов – одного и того же предмета своего великого торжества.

По шестом часе положены *изобразительные*, то есть изображение литургии в малом виде, или служба вместолитургийная, так же полная духа и жизни, как и другие службы.

Начало последования изобразительных составляют псалмы: 102-й «*Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его...*» и 145-й «*Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь...*». Каждый из этих псалмов в Служебнике по способу пения называется антифон, то есть «противогласник», ибо поются двумя хорами поочерёдно, а по содержанию – изобразительные. В псалме 102 возбуждается упование на Господа изображением милосердия Его к людям. Этот псалом возбуждает все силы души к молитве, все чувствования к благодарению Бога за Его благодеяния и как бы внушает, что если иногда нельзя кому приносить молитвы вместе с молитвами церковного собрания, то всегда можно славить Господа внутренне на всяком месте. Псалом 145 служит как бы продолжением предыдущего псалма: в нём также делается увещание уповать на Господа и хвалить Его, хвалить Его во всю жизнь, во всех обстоятельствах её, доколе существует человек, и, значит, не только тогда, когда бывает человек при богослужении, в собрании церковном, а всегда.

После сих псалмов поётся, точно так же, как и на литургии, песнь, изображающая воплощение Господа: «Единородный Сыне и Слове Божий, безсмертен Сый...», и за нею следует пение «блаженных», то есть стихов, в коих Господь Иисус Христос обещает блаженство за разные добродетели. После молитвы к Пресвятой Троице «Помяни нас, Господи...» воссылается славословие Троидиному Богу: «Лик небесный поет Тя и глаголет: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя». Потом читается исповедание веры православной в *Символе веры* и затем исповедание согрешений наших в молитве «Ослаби, остави...». Читается молитва Господня «Отче наш», и после возгласа священника читаются или поются кондаки. Сразу после кондаков произносится двенадцать раз «Господи, помилуй», читается молитва: «Всесвятая Троице...», «Буди имя Господне благословенно отныне и до века», псалом «Благословлю Господа на всякое время...» и отпуст.

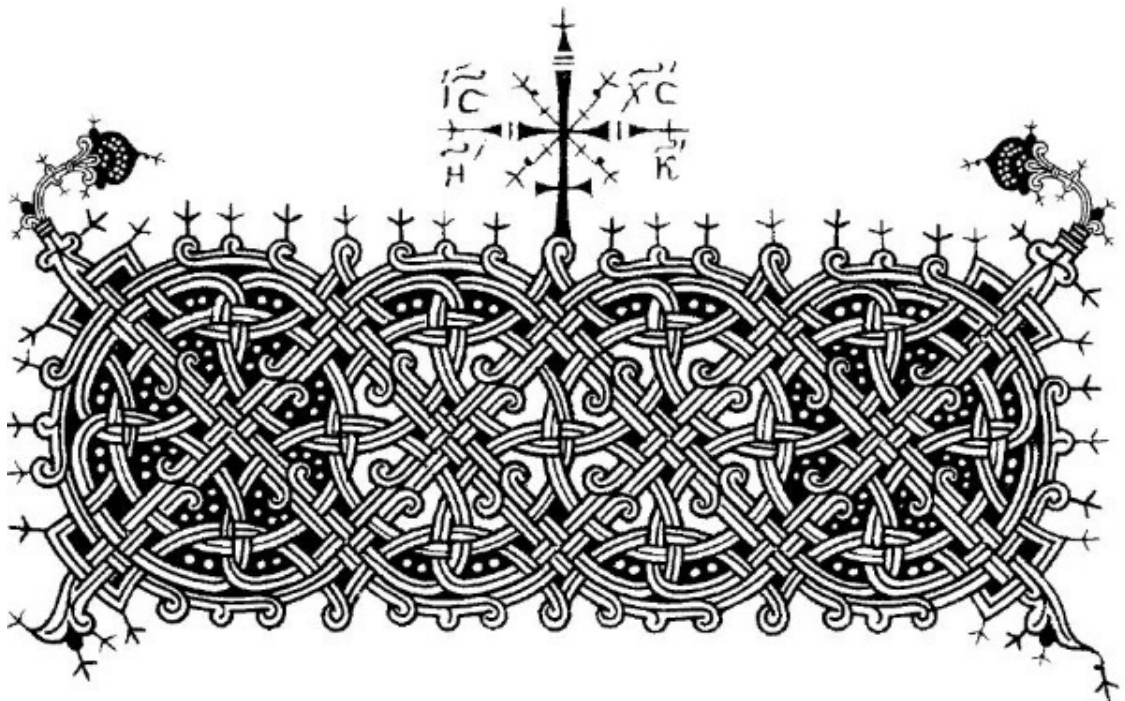
В богослужебных книгах последование изобразительных носит название обедницы, то есть службы, совершаемой вместо обедни-литургии – дома или в храме.

При совершении обедницы заповедуется благодарить усердно Спасителя за все понесённые Им лютые страдания, которые Он волею претерпел нас ради, чтобы навсегда избавить нас от мучительства диавольского, и за излившую Им пречистую кровь Его, которою Он искупил нас от клятвы законной, и, наконец, за животворящую смерть Его, которою Он оживотворил

умерший грехом род человеческий. Если же вы не были при совершении этой службы и сами не совершили её, то сотворите за неё молитв Иисусовых сто и положите десять поклонов.

В. Божественная литургия

Как на земле, в целом человечестве нет религии истиннее, святее и совершеннее религии христианской, так и в самой этой религии нет богослужения выше, святее, благоговейнее и спасительнее нашей Божественной литургии. *Выше*: потому что все другие службы церковные суть только приготовительные моления, коих сила и конец совершаются в литургии. Когда же, как не на литургии прилично воспоминать слова песни церковной: «В храме стояще славы Твоея, на небеси стояти мним» или: «На небо сердце имуще, Ангельский подражаем чин»? Когда же, как не при совершении литургии храм наш представляет земное небо? *Святее*: потому что литургия не есть только собрание молитв и песнопений, но в ней совершается одно из святейших и важнейших таинств нашей Церкви – таинство Евхаристии. *Благоговейнее*: то есть нет службы, которая бы требовала с нашей стороны большего благоговения, больше глубокого смирения и умиленности сердечной, чем сколько требует их священная литургия. Мы должны здесь с полною верою содержать в уме истинные и поразительные песни церковные, описывающие святость и величие литургии. «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом», – вещал Василий Великий, получивший откровение свыше устроить литургию. «Ныне Силы небесныя с нами невидимо служат, – уверяет прозорливец св. Григорий Двоеслов, – се бо входит Царь славы». Нет для нас службы *спасительнее* литургии: потому что здесь верующие причащаются Животворящего Тела и Крови Искупителя своего во оставление грехов и в жизнь вечную, здесь воспоминаются живые и мёртвые и соединяются все с своим Господом и Ходатаем, а без сего соединения нет и не может быть спасения.

Главный предмет и общее содержание литургии изображены в «*Новой Скрижали*» так: «Рассудила Церковь служить литургию таким образом, да содержит в себе *всё таинство воцеловечения Сына Божия* и все дела Его, которые сотворил и явил Он для нас от начала до конца, то есть от Рождества Своего даже до Вознесения, одесную Бога и Отца седения и ниспослания Духа Святаго на ученики Своя и апостолы. Сей порядок дел Христовых в сочинении литургии Василий Великий и Златоустый сохранили и предали. Ибо они в достохвальном сем чине в начале Христа Спасителя рождение, потом жизнь Его, смерть и, наконец, всё то, что после смерти Его исполнилось, словами священными и знаками чувственными изложили и в знаме-

нованиях таинственных яко видимое очами изобразили, да наставятся сими чада Церкви в невещественные и премирные знания. Начало жизни Христовой и в действиях первых, прежде освящения даров совершаемых, средние Его дела в середине – при самом освящении, и конечные напоследи, после освящения даров, расположили»¹⁰.

Литургия как преимущественное богослужение новозаветное, в котором Церковь торжественно воспоминает и живописует высочайшее таинство искупления, требует и преимущественного внимания нашего. Священнейшее таинство Евхаристии в ней сопровождается такими священными действиями и многозначительными символами, что внимательный христианин действительно может видеть в этом богослужении сокращённое изображение не только всей жизни Господа и Спасителя нашего, но и всего учения евангельского.

Господь, совершая Тайную Вечерю Свою, сказал святым апостолам: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19; см.: 1 Кор. 11, 24–25), и с тех пор повторяется сия вечеря во всей Христианской Церкви, и будет повторяться до скончания века (см.: 1 Кор. 11, 26). Божественная литургия представляет эту самую вечерю Господню, только для большего назидания нашего сложенную с некоторыми песнопениями и молитвами, переданными нам от древнейших святых пастырей Церкви¹¹.

Проскомидия

Пред литургиею совершается так называемая *проскомидия*. Это – сокращение литургии, изображающее сущность её в предварительных, *противообразных* священнодействиях.

Полнота Церкви Христовой образуется из Церкви небесной и Церкви земной. Отсюда при таинственном жертвоприношении Агнца Божия, который жрется за мирской живот и спасение, сперва воспоминается Церковь небесная. Священник изъе́млет из первой просфоры Агнец «в воспоминание Господа и Спаса нашего Иисуса Христа» и во образ Его, потом из второй просфоры частицу «в честь и память Преблагословенныя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии», предстоящей одесную Его, как Царицы неба и земли, в ризах позлащенных одеянной и преукрашенной, затем из третьей просфоры частицы в воспоминание: 1) честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; 2) всех святых пророков ветхозаветных; 3) всех святых апостолов; 4) всех святых святителей; 5) всех святых мучеников и мучениц; 6) всех преподобных отцев и матерей; 7) всех святых безсребреников; 8) святых и праведных Богоотцев Иоакима и Анны, дневного святого и всех вообще святых; 9) святого Иоанна Златоустого или Василия Великого, смотря по тому, чья литургия совершается.

Здесь видим, что земная Церковь воспоминает и призывает в помощь себе в важнейшее время своего действия всю небесную Церковь, образовавшуюся из святых людей, чтобы их молитвами посетил нас Бог. Но спасительные действия Божественной литургии собственно касаются земных членов Царства Христова и тех, кои прешли от земли с верою и упованием к жизни вечной на небесах. Поэтому священник из четвёртой просфоры изъе́млет частицы: 1) за всех лиц иерархии и за весь священнический или духовный чин; 2) за благочестивейшего

¹⁰ Арх. Вениамин. Новая Скрижаль: Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. Ч. 2, гл. 6, § 30.

¹¹ По преданию известно, что в обширнейшем виде литургия передана была святым апостолом Иаковом, братом Господним, Церкви Иерусалимской, потом сокращённое изложена св. Василием Великим, а в том виде, в каком она у нас обыкновенно совершается, приведена св. Иоанном Златоустым. Литургия Златоустого совершается круглый год ежедневно, кроме дней Великого поста, в которые положено совершать или одни часы с изобразительными, или литургию Преждеосвященных Даров, или литургию Василия Великого. Литургия Василия Великого совершается только десять раз в году: в пять воскресных дней Великого поста, в Великий Четверток, в Великую Субботу, в навечериях Рождества Христова и Богоявления и в память Василия Великого 1 января (по старому стилю. – *Ред.*). Литургия Преждеосвященных Даров совершается по средам и пяткам Великого поста, в четверг пятой недели и в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы.

императора и весь царствующий дом его; 3) за тех живых христиан, которые заповедали священнику молитвы о них.

Наконец, из пятой просфоры о памяти и оставлении грехов 1) усопших патриархов, благочестивых царей и цариц, создателей храма; 2) за других усопших, ихже хочет иерей помянуть; 3) за всех вообще усопших отец и братий наших по вере. Помянувши таким образом всю Церковь Христову земную и небесную, служащий вынимает из четвёртой просфоры и за себя частицу, говоря: «Помяни, Господи, и мое недостойнство и прости ми всякое прегрешение вольное и невольное». Здесь видим всю земную Церковь и всех христиан, ещё не достигших совершенства, всех живых и усопших членов благодатного Царства, чающих надежды живота вечного и в важнейшую минуту собранных для того, да воспомянет об них Господь и Владыка Вселенной в небесном жилище Своем. В целом действии литургии находим осуществление и видимый образ той великой истины, что все верующие в Исккупителя от начала и до конца мира – живые ли то, мертвые ли, – составляют единое тело, единую Церковь, коей Глава, основание и жизнь есть Господь наш Иисус Христос.

Литургия оглашенных

В первой половине литургии – до Трисвятой песни – замечательны следующие молитвы, песни и действия: предначинательное благословение Пресвятой Троицы, великая ектения, изобразительные псалмы, или антифоны, песнь «Единородный Сыне и Слове Божий...» и вход с Евангелием.

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа», – возглашает священник и тем напоминает верующим, что все они, как чада благодатного Царства Божия, должны всегда благословлять и благодарить Промысл Троицкого Бога, устрояющего наше спасение.

И вот мы с чувством сынов благодати начинаем в великой ектении молить Отца Небесного о мире и спасении всех.

Потом в псалмах изобразительных 102 и 143, изображающих плоды пришествия Сына Божия на землю, воспеваем бесконечную милость, очищающую все беззакония наши, хранящую нас и всё в жизни нашей благоустраивающую.

Затем обращаемся к Самому Создателю и в песни «Единородный Сыне...» славим всё благодатное о нас смотрение.

Во время пения антифонов священник, стоя внутри алтаря, читает тайно молитвы антифонов, в которых просит Бога благоснисходительно воззреть на предстоящих людей, благословить их и сохранить, принять и исполнить к полезному их прошения. Кроме того, после каждого антифона бывает малая ектения (содержащая в себе только начало и конец великой), «дабы, – как говорит преп. Кассиан, – чрез сии ектении предстоящие могли чаще соединяться с Господом и не разленились бы от долговременного продолжения одного какого-либо действия».

По отверзтии царских врат следует в износимом Евангелии первое явление нам Господа Иисуса Христа, небесного Наставника, грядущего возвестить миру слово жизни и спасения. Евангелию предшествуют светильники, напоминающие о пророках и по преимуществу о Предтече Господнем, *светильнике горящем и светящем* (Ин. 5. 35), указывающем Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Диакон возглашает: «Господу помолимся», «Премудрость, прости!»¹², возбуждая нас к самому строгому вниманию. Наконец все мы приглашаемся Церковью воздать благоговейное поклонение Божественному Спасителю: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу...»

¹² «Прости» означает «встанем просто», т. е. прямо, сосредоточившись и не отвлекаясь ни на что. – Ред.

И по явлении Святого Евангелия Церковь не вдруг приступает к чтению нам слова Божия, но прежде учит чад своих воздать славу Пресвятой Троице и вместе очистить сердца Трисвятою песнию. Тогда как антифоны по разумению Церкви означают пророчества, бывшие о плотском пришествии Христовом, следующий после второго антифона стих «Единородный Сыне...» проповедует самое совершившееся уже воплощение Сына Божия от Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а малый вход с Евангелием изображает вступление Его в подвиг проповеднического служения и хождение по градам и весям. Посему-то диакон, предходящий с Евангелием, возглашает: «Премудрость, прости!», чем возбуждает предстоящих к сохранению ума и сердца от всяких суетных помыслов и греховных движений пред лицом Самого

Иисуса Христа, а предстоящие, с своей стороны, побуждают друг друга к единому сердцем поклонению Господу песнию «Приидите поклонимся и припадем ко Христу...». За поклонением следует прославление величия Троицкого Господа – возгласом священнодействующего: «Яко Свят еси, Боже наш...» и Трисвятою песнию, в конце которой испрашивается нам помилование Божие. Потом от горнего места чрез священника подаётся «мир всем», и опять возбуждается внимание диаконским возгласом: «Вонмем. Премудрость, вонмем!»

Затем внимаем слову Божию сначала в чтении Апостола, так как чрез апостолов мы приводимся ко Христу и уста их суть также уста Христовы, потом в самом Евангелии.

Непосредственно пред раскрытием сей святейшей сокровищницы словес Господних бывает каждение, образующее распространение повсюду благодати евангельской. Священник, обращаясь к диакону, готовящемуся раскрыть Евангелие, напоминает ему, что один Бог даёт «глагол благовествующему силою многою», ещё возбуждает внимание слушателей словами: «Премудрость, Прости, услышим святого Евангелия» и дает им «мир», а по раскрытии Евангелия лик радостно взывает: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» Так Церковь хочет, чтобы мы внимали слову Господню с желанием благодати Божественной, допустили в сердцах наших действовать всей силой её и приступили к благовествующему в мире с великим усердием и радостью.

По выслушании Евангелия и краткой благодарной песни «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» тотчас обращаемся на молитву, называемую «прилежным молением», или сугубою ектениею. Это указывает на то, что молитва должна быть непосредственным следствием чтения слова Божия, а вместе и средством к лучшему раскрытию в нас силы этого Божественного семени.

Оканчивается эта половина литургии молитвами за оглашенных и повелением им выйти из храма. В древности в это время изводились из храма не только оглашенные, то есть ещё не принявшие святого крещения, но и публично каявшиеся. О чём же нам должно помышлять, когда мы не видим ныне исхождения ни оглашенных, ни кающихся? Поищем в себе самих того, что в оглашенных и каявшихся признавалось недостойным участия в святейшем таинстве. Отженем от себя всякое сомнение и маловерие, отвергнем все земные помышления и чувствования и таким образом оставим в себе одних истинно верных слушателей литургии верных.

Литургия верных

В начале литургии верных Церковь торжественно готовится к приношению бескровной Божественной жертвы ектениями, приготовляющими нас к высочайшему священнодействию. По раскрытии антиминса, по совершении двух ектений – прилежнейшего испрошения милостей Божиих, ектений, во время которых диакон напоминает о важности предстоящих священнодействий, а священник тайно читает молитвы, коими, с одной стороны, благодарит Бога за то, что удостоил его предстать святому Своему жертвеннику, с другой – молит, да укрепит его силою Духа Святого на предлежащее служение и услышит моление верующих, – Цер-

ковь окончательно приготовляет Дары для таинственной бескровной жертвы, перенося оные великим входом с жертвенника на престол, и таким образом по отверзтии царских врат представляет второе, торжественное явление Сына Божия – явление Его для принятия за нас страданий и крестной смерти. Так должны мы помышлять о Спасителе, когда бывает так называемый великий вход, или вход с приготовленными для освящения дарами. В каком расположении духа прилично быть тогда христианам, это весьма ясно показывает Херувимская песнь, из которой мы научаемся и тогда, когда представляем Господа, грядущего в уничиженном виде, приветствовать Его как Владыку нашего, Господа небесе и земли! Тогда же в знак благоговения к знамениям спасительных страданий Господних преклоняют верующие главы свои и вместе со священнослужителями молятся, да помянет Господь Бог во Царствии Своем высоких защитников и пастырей Церкви и всех православных христиан, и таким образом как бы прилагают к переносимым дарам молитвы свои – для возношения их с Божественною жертвою.

После входа и после ектении «Исполним молитву нашу Господеви...» все присутствующие в храме приглашаются засвидетельствовать взаимную братскую любовь, а потом и общую их веру. Обновление в сердцах наших христианской любви весьма нужно в это время, «да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа» и таким образом предстанем пред лице Божественного Спасителя, присутствующего в святейшем таинстве, истинными исповедниками Его учения. Для того же со всею Церковию повторяем мы и Символ веры, тогда как по гласу диакона «Двери, двери» отверзается завеса царских врат и священник, поднимая и опуская воздух над Святыми Дарами, изображает тем тихое веяние Святаго Духа.

«Станем добре, станем со страхом...» – это приступ к святому возношению. «Стоять добре, – говорит св. Златоуст, – ничтоже иное есть, разве аще стояти, якоже лепо есть человеком предстояти Богу – со страхом и трепетом». «Вонмем, святое возношение в мире приносить», то есть да расположим себя к миру со всеми: и с Богом, и с ближними – и в мире будем приносить святую жертву, ибо «милость мира», то есть ту самую жертву, которая даровала нам Божию милость вечного мира с Богом, с самими собою и со всеми ближними, или «жертву хваления», то есть вседушевного славословия и всесердечного благодарения, мы можем дерзновенно и неосужденно приносить Всемилосердому и Всесвятому Богу не иначе, как в глубоком мире. После приветствия апостольского «*Благодать Господа нашего Иисуса Христа...*» (2 Кор. 13, 13) ещё напоминает нам важность настоящего часа: «Горе имеем сердца», – говорит предстоятель, и мы, подтверждая это словами: «Имамы ко Господу», должны действительно вознестись духом выше всего земного. За сим начинается уже совершение самого таинства.

Начиная совершение святой Евхаристии, священник подобно Законоположнику сей таинственной вечери, начавшему её благодарением к Отцу (см.: Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24), призывает всех нас благодарить Господа и потом во время пения «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу» воссылает к Отцу Небесному молитву благодарения, перечисляя в ней все благодеяния Божии, явленные нам в творении, промыслении и особенно искуплении, за которые мы вечно должны благодарить Господа Бога. Представим и мы тогда высочайшие благодеяния к нам Божии: помыслим, какая благодать извела нас из ничтожества в бытие, как она взыскала нас после бедственного падения и чего не сотворила, чтобы спасти погибавших! Как она даровала грешникам Сына Единородного и отверзла Крестом Его небо для земнородных! Возблагодарим Всемилосердого за все Его бесчисленные к нам милости, ведомые и неведомые. Возблагодарим и за дарованное нам новозаветное богослужение, которое благоволил Всесвятый принимать от нас, несмотря на то, что тьмы Ангелов служат Ему и, созерцая победу Его благодати над нашим злом, славят Его, «поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» Церковь учит и нас воспевать эту серафимскую песнь, но к ней, собственно для нас грешных, прилагает и песнь еврейских отроков: «Осанна (спасение) в вышних, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних»,

научая тому, что спасение от Господа, к нам грядущего и вместе присутствующего в вышних, – превыше Ангелов и всех горних сил.

Священник, вспоминая установление Святой Евхаристии, произносит слова Самого Иисуса Христа: *«Примите, ядите, сие есть Тело Мое...»*, потом: *«Пийте от нея вси, сия... есть Кровь Моя...»*. Из сего познаём, что спасение наше действительно не только в вышних, но и среди нас: с нами Господь! Его Божественные глаголы слышим мы, чрез Его пресвятые руки приносим святейшую жертву и, не имея ничего собственного, Им благодетельствованные, вопием к Отцу Небесному: *«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся. Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи...»* Во время пения сего стиха да падёт во прах душа верующая, ибо тогда священнодействующий призывает Всесвятого Духа на подлежащие Дары и совершает величайшее чудо всемогущей любви Божией – не огонь сходит с неба, как иногда на жертвы ветхозаветные, а Сам Святой Дух всесовершающий, и прелагает хлеб и вино в истинное Тело и Кровь нашего Спасителя. Поэтому после слов *«Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш»* мы должны и телом пасть на землю, дабы воздать боголепное поклонение Господу, таинственно присутствующему тогда на святом престоле в Своём Пречистом Телe и Крови. Так приносит Святая Церковь ежедневно Божественную, умиловительную и благодарственную жертву *«о всех и за вся»*! Но как иногда невнимательны бывают присутствующие при сем святом действии и как немногие, занимаясь житейскими делами в домах своих или на работах вне оных, помышляют, что совершается для них в это время в храме! Впрочем, и для отсутствующих делается у нас извещение о важности сего часа – посредством благовеста к *«Достойно»*. Услышав этот звон церковный, каждый хотя на две минуты должен оставлять свои занятия и присоединить свою молитву к молитвам Святой Церкви.

За освящением Даров следуют моления пред ними. Церковь, видя пред собою возлюбленного Господа Своего, как бы спешит изглаголовать пред Ним всё, что есть на её сердце. Во-первых, с благодарением воспоминает она святых, тех самых, которых воспоминала на проскомидии, некогда украшавших её на земле. а ныне ходатайствующих за земную Церковь в небесной, *«изрядно же»* (преимущественно) благодарит *«о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице»* и молится, да молитвами святых посетит нас Господь. Потом изливает моления за усопших в надежде воскресения и жизни вечной, молится за пастырей своих и служителей, за царя и иже во власти суть и за христолюбивое воинство. Яснее познаём пространство любви к нам матери нашей Церкви из молитвы св. Василия Великого.

«Помяни, Господи, – молится ею иерей, – предстоящая люди и ради благословных вин (причин) оставшихся. Сокровища их исполни всякого блага, супружества их в мире и единомыслии соблюди, младенцы воспитаи, юность настави, старость поддержи, малодушныя утеши, расточенныя собери, прельщенные обрати, стужаемыя от духов нечистых свободи, плавающим сплавай, путешествующим спешествуй, вдовицам предстани, сирых защити», – словом, все нужды и беды наши воспоминает Церковь и всем чадам своим испрашивает необходимые блага. Но как благо самой Церкви, благо всеобщее, должно быть главнейшим предметом молитв наших, а оно достигается преимущественно достойным служением пастырей, то молиться за них, по наставлению апостола (Еф. 6, 18–19), возбуждаемся мы особенно возгласом священника: *«В первых помяни, Господи, Святейший Синод...»*¹³ Другим возгласом: *«И даждь нам единими усты... славити и воспевати пречестное и великолепое имя Твое...»* указывается высочайшая цель христиан, о которой пишет апостол: *дондеже достигнем вси во единение веры и познания Сына Божия* (Еф. 4, 13).

Потом в ектении молимся о себе и друг о друге: да ниспослется нам Божественная благодать, да избавимся от всех зол и да проводим богоугодно данное нам время жизни, а под конец все, едиными устами и единым сердцем, вопием к Богу Отцу словами молитвы Господ-

¹³ В настоящее время «в первых» поминается Святейший Патриарх Московский и всея Руси. – *Ред.*

ней «*Отче наш*» и в знак покорения себя Отцу Небесному преклоняем главы свои пред Ним, умоляя Его, да устроит Он с нами всё во благо «благодатию и щедротами и человеколюбием Единородного Сына» Своего.

Много назидания и в последней части литургии верных.

Когда священнослужители причащаются Божественных Таин в алтаре и при затворённых царских вратах, поётся «причастен», да размышляем о великих последствиях крестной смерти нашего Господа, о сошествии Его во ад, о искуплении душ верующих, об отверзтии для всех Царства Небесного.

Когда отверзаются святые двери, является чаша спасения и слышим приглашение: «Со страхом Божиим и верою приступите», должно помыслить нам, столь редко приступающим к причащению, как далеки мы от чистоты древних христиан, на каждой литургии причащавшихся Святых Таин. Представляя же в явлении Святой Чаши явление Господа по Воскресении, да падем, по крайней мере, к ногам Божественного Искупителя, как Мария Магдалина, хотя и недостойные прикоснуться к Животворящему Телу Его.

Когда потом ещё являются Святые Дары при возгласе священника «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков», благоговейно представим последнее явление Господа, припомним сладчайшее обетование Его – таинственно пребывать с нами до скончания века и, подобно апостолам, свидетелям Божественного Вознесения (Лк. 24, 52), опять поклонимся Ему до земли.

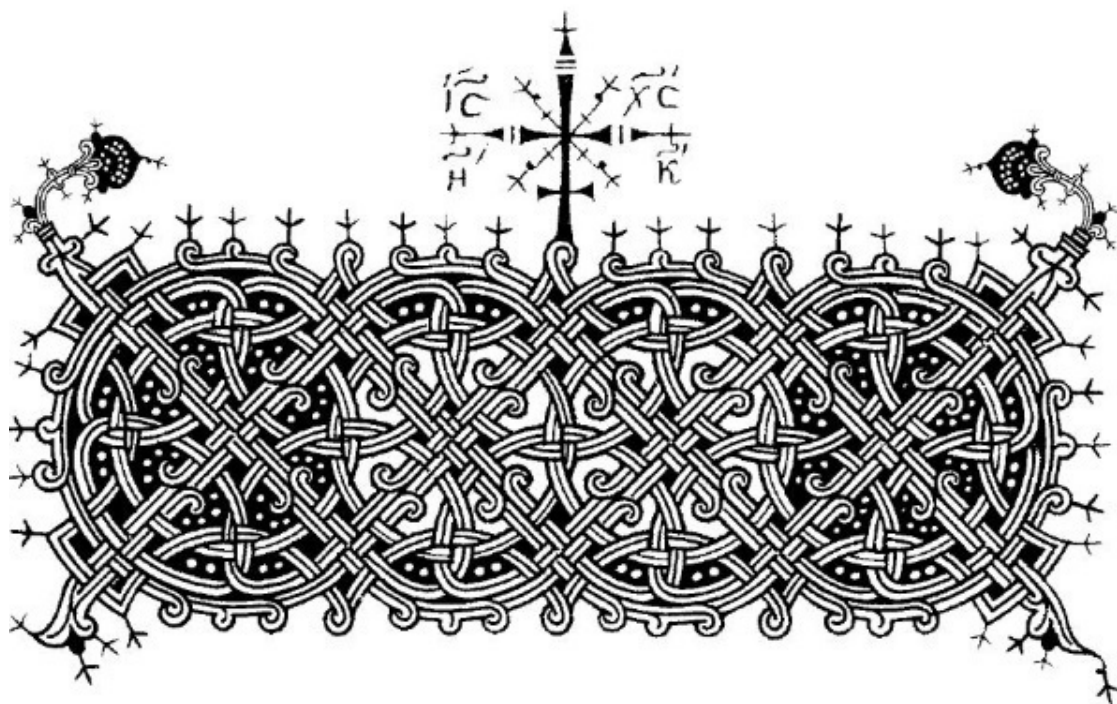
Когда слышим благодарную песнь «Да исполнятся уста наша...» и последнюю ектению, благодарящую за причащение Святых Таин, благодарим и мы за то, что Господь сподобил нас быть, по крайней мере, созерцателями пренебесных Таинств Своих. Но, готовясь к исхождению из храма, примем напутственную молитву пастыря, которую произносит он среди нас, как отец среди детей, и его благословение в отпуске. Приняв всё это с верою, мы лучше сохраним в сердце те сокровища, какие собрали при слушании литургии.

Наконец, когда затворяются царские двери и мы воздаём последнее поклонение святыне Господней, приведём на мысль то великое совершение всего, когда затворится навеки чертог Царствия Небесного и уже не будет времени для покаяния.

С молитвою св. Симеона: «*Ныне отпущаеши...*», с чувством любви и благодарности к Спасителю нашему изыдем из храма.

Литургия Преждеосвященных Даров

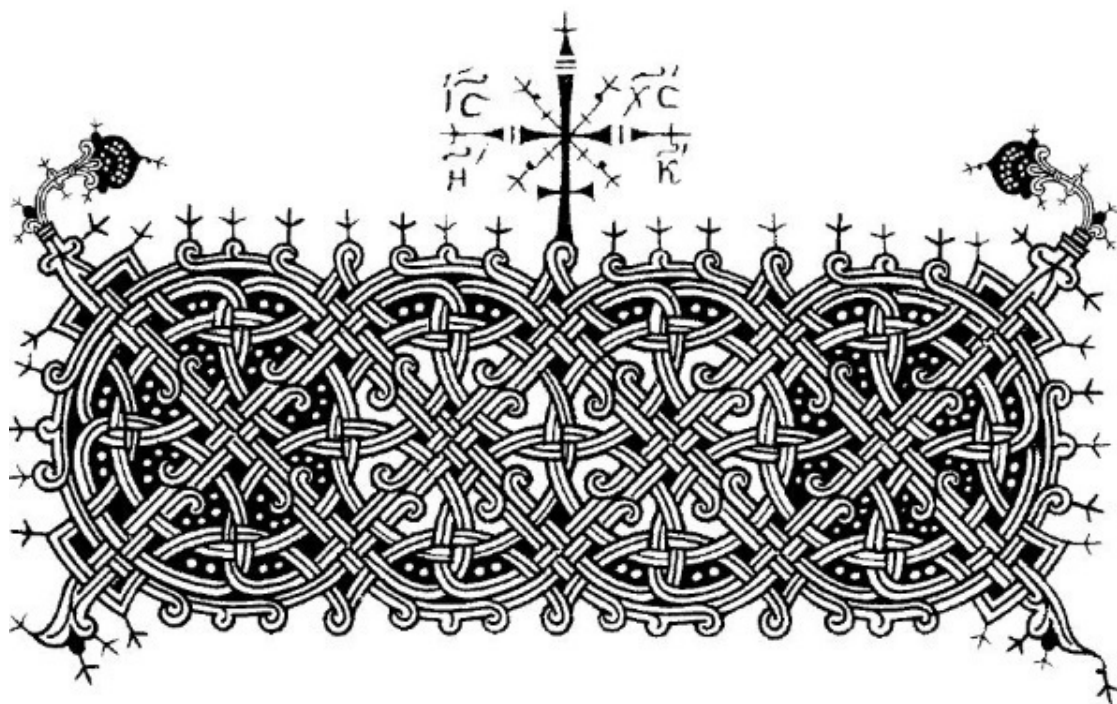

Литургия Преждеосвященных Даров начинается вечернею, но возгласом литургии: «Благословенно царство...» и среди вечернего пения имеет действия особенные. Так, после первой паремии, пред начатием второй, священник, имея в руках кадильницу и свечу, возглашает, обратясь к народу: «Свет Христов просвещает всех!» – и тем указывает на тайный смысл чтений ветхозаветных, в коих сияет Свет Христов, просвещавший праотцев и пророков. После второй паремии все мы, присутствующие в храме, преклоняем колена с песнию святого пророка Давида: «Да исправится молитва моя...» и просим Господа, да будет молитва наша принята Им с благоволением, как благоухание кадила, как жертва вечерняя, и с тем вместе умоляем Его, да положит Он хранение устам нашим, склонным к празднословию и осуждению ближнего, а сердца оградит от лукавых помыслов, извиняющих наши грехи. Перенесение Святых Даров предваряется и сопровождается особенною песнию «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершенна дориносится. Верую и любовью приступим, да причастицы жизни вечныя будем. Аллилуия». При самом перенесении Божественных Таин, как при шествии Царя Славы, в храме воцаряется глубокое молчание и мы все падаем на землю, воздавая боголепное поклонение Телу и Крови нашего Господа и Спасителя. Затем последняя часть литургии сокращается, потому что тогда не бывает освящения Даров, и мы тотчас по перенесении Святых Таин на престол молимся пред ними, как пред всесовершенною жертвою, да примет её Бог в пренебесный и мысленный Свой жертвенник и да вознишпослет нам Божественную благодать. Моление это оканчивается молитвою Господнею, и после возгласа «Преждеосвященная Святая святым» следует причащение Святых Таин. Заамвонная молитва читается особенная, приличная времени поста. В ней благодарим Господа, введшего нас в пречестные дни сии для очищения души и тела, и просим, да подаст нам Всеблагий течение поста совершить в подвиге добром, сокрушить невидимых змиев и неосужденно достигнуть поклониться святому Воскресению. Это значит, что на время Великого поста Церковь смотрит как на путешествие нового Израиля в духовной пустыне, а

ведя чрез неё чад своих, желает им быть победителями всех врагов спасения и таким образом с духовною радостью и торжеством войти в светлые дни Пасхи, как в Землю обетованную.

Архиерейское служение литургии

Для ясного понятия о полноте литургии представляется архиерейское служение её.

Архиерей входит в западные двери храма и тихим гласом глаголет: «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему во страхе Твоем. Господи, настави мя правдою Твоею враг моих ради, исправи пред Тобою путь мой». Встречают архиерея с крестом и кадильницами, а хор поёт «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...», в двенадцатые же праздники – ирмос 9-й песни. Первое приготовление архиерея к священнодействию есть входная молитва пред царскими вратами, затворёнными вначале и закрытыми завесою.

Потом является он среди церкви и народа на возвышенном месте – архиерейском амвоне, потому что служение его должно быть видимо всей церкви для её назидания, но является здесь в одежде простой, обыкновенной, напоминая тем не узнанное вначале явление Христова в смиренной одежде человечества. А так как святитель в священнодействии представляет не только ближайшего служителя Христова, но частию и образ Самого Христа, то ему нужно теперь облечься в священные одежды, означающие хриstopодражательные свойства и добродетели. Одежды эти приносят ему диаконы, как Ангелы, из алтаря, как из невидимых хранилищ благодати, и облачают его как знамениями, между тем как другие диаконы возглашают таинственное значение каждой из сих одежд.

Сперва надевают на него *стихарь* – в знамение чистоты и веселия духовного, затем *епитрахиль* — знамение ига Христова и благодати, изливающейся в священстве, далее *пояс* — знамение силы Божией и готовности к служению, *поручи*, дающие свободу священнодействовать, – в память уз Христовых, *наколенник*¹⁴ — для напоминания лентииона Христова и того, что духовный подвижник должен быть вооружён глаголом Божиим, потом верхнюю ризу – *фелонь*, или *саккос*, изображающий багряную хламиду поруганного Христа или вретисще покаяния¹⁵.

¹⁴ Набедренник. – Ред.

¹⁵ Стихарь – одежда левитов и диаконов, епитрахиль (у диакона ораль), пояс, поручи, наколенник и фелонь – одежды пресвитера.

Но существенный знак архиерейства есть *омофор* – *нарамник*, знаменующий не только иго Христово, воспринимаемое служителем Христовым, но также иго, которое воспринял на Себя Сам Христос, то есть естество человеческое, которое Он, как благий пастырь заблудшую овцу, поднял на рамена Свои и принёс в дом Отца Небесного. Как явный и ближайший последователь Христов, святитель принимает на перси свои *крест*, а дабы он помнил, что должен иметь в сердце своём, ему полагают на сердце *панагию*, то есть образ Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем или образ Самого Иисуса Христа, наконец, венчают его как духовного владыку в своей Церкви *митрою*. Под ноги ему кладут *орлецы* — для указания выпренного стремления горе. В руки дают *трикирий* и *дикирий* — свещники с тремя и двумя свечами, в знамение света Святой Троицы и двух естеств в Спасителе – Божеского и человеческого, которыми он осеняет народ – к востоку, к западу, к полудню и к северу, как осенением Святаго Духа. Диакон напоминает ему долг его звания евангельскими словами: «Тако да просветится свет твой пред человеки...» (см.: Мф. 5, 16), а лики приветствуют: «Ис полла эти деспота» – «На многие лета, владыко».

Отдав диаконам свещники, архиерей садится, и начинают часы; встаёт он только на «Аллилуия», и на «Трисвятое», и на «Честнейшую». Во время чтения часов выносят из алтаря рукоумывало, и умывает руки «седя». В то же время посвящает в стихарь и в иподиаконы, если есть кого. При окончании часов служащие архимандриты, игумены, протопресвитеры и пресвитеры, облачившись в алтаре, выходят из него южною и северною дверьми и, поклонившись архиерею, становятся по чину с правой и левой стороны его. Все эти выходения из алтаря и вхождения в него обратно напоминают слова Евангелия: *отселе узрите небо отверзто и Ангелы Божии восходящая и нисходящая над Сына Человеческого* (Ин. 1, 51).

По прочтении часов епископ встаёт и тихо молится: «Царю Небесный...», «Слава в вышних Богу...», «Господи, устне мои отверзеши...», а диаконы приступают к епископу, напоминая: «Время сотворити Господеви» и просят благословения на своё служение при литургии. С ними первенствующий из протопресвитеров поклоняется владыке, идёт в алтарь южною дверью, «*вшиед, повелит диакону царские двери отверзти*» и начинает: «Благословенно царство...» Во время «мирной» ектении архиерей «седя» читает «молитвы предложения»: «Боже, Боже наш...» и прочие три молитвы – «согласия». Встаёт же только в возгласы и на «Единородный...». Старший пресвитер начинает литургию благословением царства Пресвятыя Троицы, подобно тому, как праотцы и пророки возвещали славу Божию и благодать Христову прежде, чем Сам Христос открыл дело спасения рода человеческого.

Великая ектения, или протяжная молитва, включает в себе всё, о чём должны мы благоразумно просить у Бога для нашей жизни, начиная с высшего мира и спасения душ наших и заключая совершенною преданностью самих себя и друг друга и всей нашей жизни Христу Богу, при заступлении Пречистой Девы и всех святых. Что может быть трогательнее молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их? Но здесь не укрылось ни одно бедствие человечества от милосердного oka Церкви: даже и невидимый мир участвует в её всеобъемлющей любви, когда она молит о всех прежде почивших отцах и братиях, где лежащих и повсюду православных. На велегласные приглашения к этой молитве диакона народ в лице хора отвечает «Господи, помилуй», «Тебе, Господи», пресвитеры же, следуя тайною молитвою за словами диакона, всегда в конце ектений возглашают хвалу Троице единому Богу.

Между великой и двумя малыми ектениями поются на оба хора *антифоны*, то есть попеременные песнопения, составленные частью из целых псалмов, частью из стихов избранных, относящихся к празднеству дня. Этот род пения установлен св. Игнатием Богоносцем, которого благословил Спаситель в числе приведённых к нему младенцев. Тайнственное видение Ангелов, возглашавших друг другу славу Божию, внушило мысль сию Игнатию, и он передал её Церкви. А в VI веке император Юстиниан принёс ей благоговейно в дар высокий гимн свой

во славу Единородного Сына Божия. Гимн этот поставлен в конце 2-го антифона, чтобы песню о воплощении запечатлеть истину пророческих вдохновений.

Начинается торжественный вход с Евангелием. Епископ встаёт со своей кафедры и тайною молитвою «Владыко Господи...» готовится ко входу в алтарь. Созерцая в Евангелии присутствие Самого Христа, целует его и, подражая Иоанну Предтече, который, увидя грядущего Спасителя, воскликнул: «Се Агнец Божий, взявляй грехи мира», первый призывает верных к поклонению Ему сими словами: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий».

В Евангелии – Свет Христов, и ближайшее действие молитвы есть духовный свет в душе, а потому при пении сей молитвы архиерей осеняет верных светильниками, как бы Божественным светом, окружённый и поддерживаемый священнослужителями, «косно и тихо» идя в алтарь, ещё осеняет направо и налево народ, отдаёт протодиакону трикирий, целует царские врата справа и слева и потом – престол.

Между тем как молитва «Спаси ны, Сыне Божий» переходит из середины храма на клирос, а отсюда во внутренность алтаря, архиерей приемлет кадило и благоуханием фимиама во-первых воздаёт честь престолу Христову, кадит алтарь и жертвенник, а потом и церковь, изображая тем действие глубокой внутренней молитвы – усладительное веяние Святого Духа. В ответ на каждение Церковь приветствует святителя желанием многих лет, по обычаю на греческом языке¹⁶, и сам архиерей вслед за тем взаимно приветствует желанием многих лет всю Церковь, которое диакон и клир возглашают, а он запечатлевает осенением рук своих¹⁷.

После сего архиерей вновь приступает к молитве, ещё более внутренней, потому что она начинается в алтаре – у самого престола Христова и отсюда переходит в церковь ещё более возвышенной, потому что она относится непосредственно к Пресвятой Троице. Святитель в первый раз возглашает сам, прославляя святость Божию: «Яко свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно» и, поспешая возвратиться к своей тайной молитве, не оканчивает славословия, а в знак единства предоставляет довершить оное диакону, обращающемуся к церкви с восклицанием «И во веки веков». Трисвятая песнь, возглашаемая на клиросе и в алтаре, в свою очередь, сопровождается светом светильников. Архиерей берёт дикирий и крестообразно касается оным лежащего на престоле Евангелия, как источника света, потом обращается к народу и, держа в одной руке светильник, в другой – крест, крестообразно осеняет с амвона всю Церковь – на запад, на полдень, на север и на восток – с сими трогательными словами: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, Егоже насади десница Твоя», а Церковь видит в этом осенении не только двойственный свет дикирия – знамение двойственной природы Христовой, но и спасительную цель Его воплощения – Крест. Когда же архиерей возвращается в алтарь уже не только к престолу, но далее к востоку – на горнее место, в изображение Христова Вознесения и седения одесную Бога Отца, то, взяв трикирий, из сей более глубокой внутренней святости ещё раз осеняет троическим светом Божества, живущего во свете непреступном.

Потом начинается чтение Апостола, во время коего епископ сидит на горнем месте как преемник апостолов, а по сторонам его сидят пресвитеры в качестве сослужителей. Но пред чтением он отдаёт с себя омофор, дабы сей знак¹⁸ Христов некоторым образом сопутствовал Евангелию Спасителя, когда оно будет выносимо для чтения, и дабы в то время представить себя смиренно стоящим наравне с прочими учениками Слова Божия – в одной только митре, отличающей его от других. По окончании же Евангелия святитель сходит с горнего

¹⁶ Ис полла эти, дэспота – На многая лета, владыка! – *Ред.*

¹⁷ В настоящее время, как правило, архиерей благословляет народ дикирием и трикирием. – *Ред.*

¹⁸ Омофор символизирует заблудшую овцу, принесенную на плечах добрым пастырем в дом (см.: Лк. 15, 4–7). Т. е. омофор знаменует собой спасение человеческого рода Господом нашим Иисусом Христом. – *Ред.*

места, становится опять пред престолом для молитв, возносимых в следующих ектениях: сугубой, о умерших, об оглашенных и прочих – до Херувимской песни.

Поётся Херувимская песнь – творение императора Иустина и совершается воспоминание шествия Царя Славы на вольные страдания и крестную смерть. В Херувимской песни слово «дориносима», или «копыеносима», в точности выражает ту картину, которую хотел изобразить Иустин. Римские воины при возгласении новоизбранного императора обыкновенно подымали его посреди легиона на щите, возвышаемом на копьях, так что он являлся поверх окружавших его копий. В церкви повторяется та же картина: после слов «отложим попечение» является диакон, как бы один из невидимого легиона Ангелов, подъемлющий над главою на дискосе, как на щите, Царя всех в смиренном виде Агнца.

О, как кстати пред самым ходом поражает всегда слух благодетельное слово «отложим попечение», как кстати оно извлекает грубый ум из помыслов житейских! Тогда сам архиерей, омыв в царских вратах в тут же освящённой молитвою его воде очи и руки, чтобы чисто созерцать и действовать, и трижды простерши руки на молитву пред престолом, идёт сам творить молитвенное воспоминание живых и мёртвых над жертвенником и отпускает приуготовленного таинственного Агнца для страшного Его принесения в жертву на престоле за грехи людей, а христиане ожидают сего торжественного шествия, втайне поминают своих родных и молят с преклонением главы идущих мимо пресвитеров, чтобы помянули и их самих пред Господом, что и исполняют они громко, начиная с властей.

Песнь Василия Великого на сие же мгновение, которую поют однажды только в год, в Великую субботу, ещё умильнее: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет. Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же Сему лица ангельстии со всяким началом и властью – многоочитии херувими и шестокрылатии серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: Аллилуия». Вместе со звуками сей песни мы видим её изображение в лицах: диаконы в образе Ангелов предыдут *со свечами*, другие веют над дискосом и сосудом *рипидами* с изображением херувимов, ещё иные облакают всё шествие облаками *фимиама*, как бы приготовляя Ему воздушную стезю; один несёт на плече своем *воздух* — память погребальной плащаницы Христовой, другой несёт *омофор* — знак вочеловечения – с сияющим на нём крестом, старший диакон высоко держит над главою *дискос*, или блюдо, на коем лежит покровенный Агнец, за ним старший пресвитер *с потиром* — чашею, готовою скоро исполниться Крови Христовой, далее следуют постепенно в руках иерейских орудия Божественного страдания: *крест*, *копие*, *губа*, которая напоила Его желчью, и *лжица*, дающая вкушать Кровь Его верным. Архиерей без митры и омофора раболепно встречает сие изображение шествия в дверях царских, сам творит поминовение и, поставляя дискос и чашу на престол, как бы во гроб, подобно Иосифу Аримафейскому, воспоминает его подвиг, говоря: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьями, во гробе нове, покрыв, положи».

Опять выходит диакон к народу и приглашает исполнить молитву Господеви, но уже прощения его не касаются благ земных и временных, а простираются единственно к духовным и небесным. Он молит об Ангеле Хранителе, о том, что добро и полезно душам нашим, о прощении грехов, о провозведении нашей жизни в мире и покаянии и о христианской её кончине с добрым ответом пред Страшным Судилищем Христовым. Какие назидательные молитвы! Потом, услышав со всю церковь желание мира из уст святительских, приглашает христиан ко взаимной любви, дабы они могли единомысленно исповедовать, и хор договаривает за всех: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную», показывая тем, что все мы сохраняем взаимную любовь и с любовью исповедуем истинного Бога. Прежде во время этой песни все христиане целовались между собою, теперь одни только священники в алтаре целуют руку и плечи у архиерея и друг у друга,

Потом диакон взывает: «Двери, двери, премудростию вонмем», а церковь поёт Символ веры. Архиерей преклоняет главу к престолу, а служащие веют над его главою воздухом с сосудом. В древности в это время заключались двери храма от неверных и еретиков, теперь верующие должны заключить свои чувства от рассеянности. Диакон ещё однажды возбуждает внимание верных сильными словами: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносить» и удаляется в алтарь.

В ответ на приглашение диакона лик поёт: «Милость мира, жертву хваления». То есть будем, вспоминая великую милость Божию, крестную смерть Спасителя, даровавшую нам глубокий мир с Богом, с самими собою и с ближними, будем приносить за неё Богу жертву хваления, или Евхаристию. Тогда в последний раз, для возжжения усердия в народе пред освящением Даров, исходит к нему епископ, держа в руках свещники и, подняв их к небу, сперва преподаёт верным три духовные дара от каждого лица Святой Троицы: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами», и молит всех, да «горе имеим сердца», и, получив от верных ответ: «Имамы ко Господу», епископ, осеняя их, восклицает: «Благодарим Господа!» и возвращается к престолу Божию.

Настали самые важные минуты литургии: начинается самое приношение бескровной жертвы, звук колокола возбуждает к вящей молитве не только предстоящих, но и отсутствующих, Церковь поёт: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней», святитель пред престолом воспоминает все дивные и несказанные благодеяния Господа к роду человеческому, начиная от сотворения мира до его искупления, приходя более и более в восторг и как бы не находя уже человеческих слов для воздаяния достойной хвалы Богу, восхищается до небес, слышит там с Исаиею серафимскую песнь, видит с Иезекиилем таинственные образы орла, тельца, льва, человека и восклицает: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», а хор, участвуя в его восторге, отвечает сперва словами самих Ангелов – как бы на небе: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя». Потом и на земле приветствуют Господа кликами еврейских отроков, исшедших некогда с пальмами на сретение Сына Давидова: «Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне». «В сие мгновение, – говорит св. Иоанн Златоуст, – многие святые мужи видали внутри святилища Ангелов, сослужащих им и со страхом предстоящих трапезе».

Восторженный до небес ум святителя и воспламенённое любовью сердце в ангельских славословиях молитвенно от славословия Святой Троицы движется вслед за Спасителем мира, с неба переносится на землю – в ту беспримерную ночь, в которую Он предан был за мирской живот¹⁹, в ту горницу велию, в которой Он установил таинство Евхаристии в вечное Его воспоминание, и, указывая на Святой Хлеб, произносит слова Господни: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», а на Чашу: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя новаго завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов».

Вспомняв сию спасительную заповедь и всё для нас бывшее: Крест, гроб, Воскресение, Вознесение, одесную седение и Второе Пришествие, святитель опять возносится горе к Богу Отцу с сим вольным Сыновним приношением и, вместе с этим принося Ему сию словесную и бескровную службу, сии дары – хлеб и вино (поднимаемые кресто образно руками диакона), возглашает: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Умилённо при этом он просит и молит Отца Небесного о ниспослании Духа Святаго на себя и на предлагаемые Дары, которые с произношением таинодейственных слов и благословляет притрепетно крестным знаменiem: *Хлеб*, глоголя: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего», *Чашу*: «А еже в Чаши сей Честную Кровь Христа Твоего», *обоя*: «Преложив Духом Твоим Святым». Тогда имея пред собою уже не хлеб и вино, но истинное Тело

¹⁹ Жизнь мира. – *Ред.*

Христово и истинную Кровь Христову, он и все сослужащие благоговейно простираются ниц пред сверхъестественным таинством, какое дерзнул совершить смертный по благодати Святаго Духа. Во всё же время сего великого действия лики поют благоговейно: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». И нельзя в эти минуты не петь, не благословить, не благодарить Господа и не молиться Ему: небо теперь всё – со всеми небожителями – здесь. «Что творишь, о брат мой, – говорил некогда св. Ефрем Сирин рассеивавшимся в эту страшную минуту, – что творишь! Не обещал ли иерею горе имети сердце и не страшишься ли в час сей обретаться лживым! О великое чудо! Агнец Божий ради тебя закалается, все силы небесные с иереем за тебя молятся, Кровь Христова вливается в Тайную Чашу за твоё очищение, а ты не стыдишься, не оплакиваешь самого себя в сие мгновение, не молясь ни о себе, ни о других!»

Воздавая затем честь Телу и Крови Христовым каждением фимиама, священнодействующий молится, чтобы великое сие таинство было причащающим его в трезвение души, во оставление грехов, в приобщение Святаго Духа, во исполнение Царства Небесного, в дерзновение к Богу, не в суд или во осуждение; благодарно воспоминает как об участниках в молитве и таинстве и о всех святых, от века благоугодивших Господу: праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, проповедниках, евангелистах, мучениках, исповедниках, воздержниках и о всяком духе праведном, в вере скончавшемся, наипаче же («изрядно») о «Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». А церковь ублажает Её достойными хвалами, величая: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим...» Архиерей, вспомянув ещё Крестителя Господня Иоанна, святых и славных апостолов, святого, егоже память совершается, и всех святых, чтобы молитвами их посетил нас Господь, молится о всех усопших в надежде воскресения живота вечного, чтобы Господь упокоил их, идеже присекает свет лица Его, молится за власти духовные и мирские, за Церковь, за всех христиан живых и даже за всю Вселенную, ибо точно на всю Вселенную простирается сила и действие жертвы Христовой, молится в особенности, чтобы все едиными устами и единым сердцем славили и воспевали «пречестное и великолепое имя... Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков». Наконец, владыка заключает свою молитву великими словами: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами», осеняя при этом обеими руками крестовидно предстоящих и отвечающих ему: «И со духом твоим».

Выходит из алтаря диакон и повторяет прежние духовные, высокие молитвы, но присоединяет к ним вначале, чтобы Господь, приняв Святые принесённые Ему Дары в пренебесный и мысленный Свой Жертвенник, возниспослал нам Божественную Свою благодать и Дар Святаго Духа, а в конце говорит: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Между тем святитель глаголет молитву: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и милися деем: сподоби нас причаститься Небесных Твоих и Страшных Таин, сея священныя и духовныя трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царства Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или в осуждение», в заключение сей же молитвы взывает: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати». В ответ на это *людие* поют богоугоднейшую из всех молитв, молитву собственно Господню «Отче наш». Тайно молятся этою молитвою и все сослужащие, и сам архиерей, в заключение её возглашающий: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков». Лик: «Аминь».

Приготовившимся таким образом ко Святому Причащению архиерей преподаёт: «Мир всем» – и присутствующим при совершении богослужения, благословляет их обеими руками и в ответ от них получает: «И духови твоему». Святитель присовокупляет и ещё две тайные

молитвы: одну за всех преклонивших, по приглашению диакона, свои главы, которую заключает возгласом: «Благодатию и щедротами...», а другую – чтобы Господь внял нам от святого жилища Своего, пришёл, и освятил нас, и сподобил державною Своею рукою преподать Пречистое Тело и Честную Кровь Свою нам и всем людям. Наконец, с возбуждающим внимание словом: «Вонмем» святилище закрывается завесою для причащения священнослужащих, и в сию минуту архиерей, подняв с диска Тело Христово, возносит горе, возглашая торжественно: «Святая святым», чем даёт разуть, сколь святу должно быть для принятия сей святыни, а лик смиренно отвечает ему: «Един Свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь».

Церковь поёт причастный стих, а архиерей, причастившись сам, по обычаю, причащает в алтаре и сослужащих, которые для принятия Тела Христово подходят с левой стороны, а для принятия Крови Его – с правой. Поистине сие умиленное зрелище трогательно напоминает последнюю вечерю Христову с учениками. А. Н. Муравьёв, вероятно по опыту, говорит, что нельзя его видеть без слёз и сердечного сокрушения.

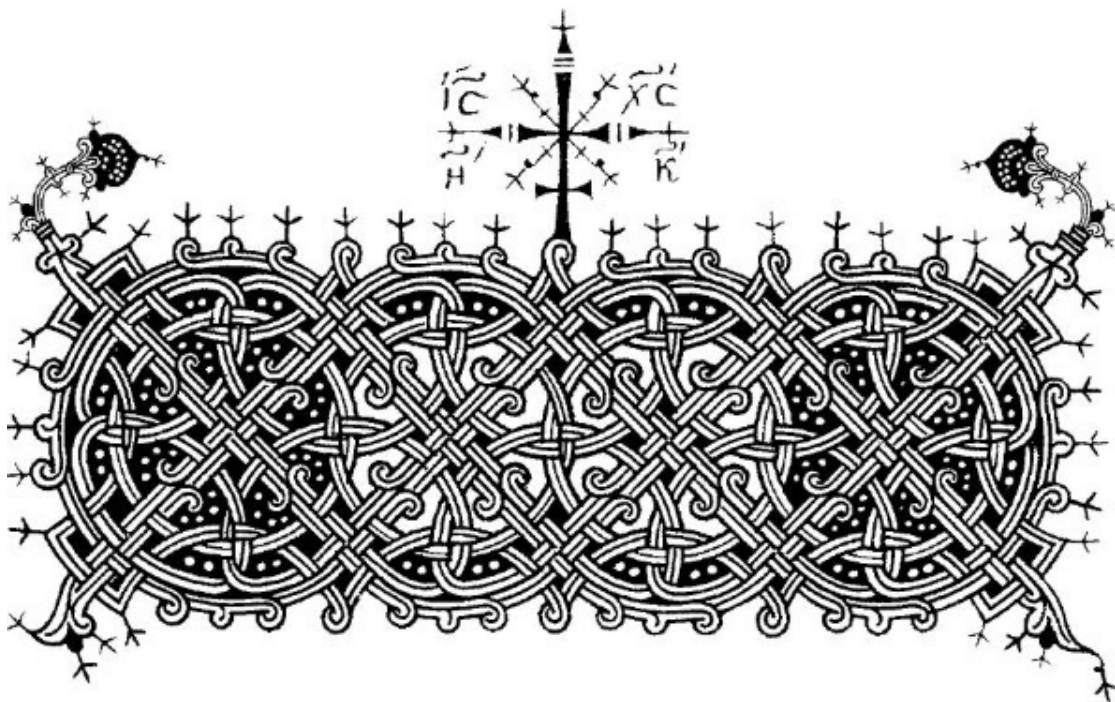
По причащении священнослужащих царские врата вновь отверзаются. Устами диакона как бы Сам Спаситель призывает всех верных на Свою Трапезу: «Со страхом Божиим и верою приступите!» А церковь, радостно воскликнув: «Благословен Грядый во Имя Господне, Бог Господь и явися нам», поёт трогательную песнь: «Видехом свет истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице покланяемся: Та бо нас спасла есть». Затем ещё однажды показываются народу Святые Дары в царских вратах и тотчас скрываются от церкви на жертвенник. При сем священнодействующий воспоминает последнее явление Христово апостолам и Его Вознесение на небо, и, как бы удаляясь за Христом на небеса, он произносит у престола: «Благословен Бог наш», так что церковь сего не слышит, а только конец славословия отдаётся в слух земли посреди царских врат: «Всегда, ныне и присно и во веки веков», ибо Господь обещал быть с нами вовеки.

После краткой – благодарственной за причащение и с испрошением совершенного, святого, мирного и безгрешного всего дня – ектении и заамвонной молитвы архиерей ещё раз благословляет предстоящих и делает им отпуст (см. «Письма о богослужении Восточной Кафолической Церкви» А. Н. Муравьёва, III и IV письмо).

Таково страшное совершение Страшных Таин Христовых! Понятие о них не лишним считаем присоединить к сему.

Евхаристическая жертва

Размышляя о Святейшей Евхаристии, напомним себе кратко догматическое учение о существе её.

Нет сомнения, что Святейшая Евхаристия под тем только условием может примирить нас с Богом, если в ней под видами хлеба и вина присутствует Сам Иисус Христос, единственный Ходатай и Примиритель человеческого рода с небесным правосудием, если, далее, Он присутствует в Евхаристии не только для того, чтобы подаваться в снедь верным, но вместе и для того, чтобы приноситься за них в жертву Богу, так как без жертвы, по учению апостола, невозможно примирение с Богом (Евр. 9, 22), если, сверх того, Евхаристия, будучи жертвою за нас Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, есть вместе с тем жертва Богу и с нашей стороны, ибо когда она не наша, то и не может примирить нас с правдою Божиею, если, наконец, Евхаристия находится в ближайшем, теснейшем отношении к голгофской жертве, кроме которой нет и не может быть иной жертвы, довлеющей к удовлетворению Бесконечного Правосудия за грехи наши. Таким образом, говоря о существе Евхаристии, напомним себе, что: а) в Евхаристии действительно присутствует Сам Господь Иисус Христос, б) она есть истинная действительная жертва за нас Единородного Сына Божия Богу Отцу, в) она есть и наша собственная жертва, г) она состоит в теснейшей связи с Жертвою Крестною.

Учение о Божественном установлении Евхаристии будет служить вступлением к размышлению о вышеозначенных предметах, а учение о том, каким образом мы должны участвовать в Евхаристической жертве, чтобы она могла служить действительным средством к примирению нас с Богом, заключит размышление о существе её.

Божественное установление Евхаристии

Святейшая Евхаристия имеет происхождение Божественное – установлена Самим Господом нашим Иисусом Христом. Об этом свидетельствуют: а) история обетования о ней Иисуса Христа (Ин., гл. 6), б) история самого установления оной, которую передают евангелисты: Матфей 26, 26–28, Марк 14, 22–24, Лука 22, 16–20 и апостол Павел 1 Кор. 11, 23–25.

Присутствие Иисуса Христа в Евхаристии

В учении о присутствии Иисуса Христа в Евхаристии нужно различать: а) действительность и б) образ сего присутствия.

А. Православная Церковь верует, что Иисус Христос действительно присутствует в Евхаристии. Эта истина имеет неопровержимые основания в *Святом Писании* – сюда относятся все вышеуказанные места из евангелистов и апостола Павла, которые должно понимать не в переносном, а в прямом буквальном смысле; в *Святом Предании* – сюда относится учение о присутствии Иисуса Христа в Евхаристии не только отцов Церкви, например Игнатия Богоносца (послание к Смирнянам 7), Иустина (Апология 1, гл. 26), Ириней (Против ересей, кн. 4, гл. 18, 4 и 5), Кирилла Иерусалимского (поучения тайноводственные 4, 1, 2, 3, 6)²⁰, Иоанна Златоуста (Беседы на Мф. 82), Иоанна Дамаскина (Точное изложение православной веры, кн. 4, гл. 13), но и целых соборов II-го, III-го и VII-го. Все эти свидетельства приведены в «Беседах о таинствах» еп. Евсевия²¹. Следовательно, мнение еретиков, древних (докетов) и новых (Виклефа, Цвинглия и Кальвина), в особенности реформатов, которые учат, что хлеб и вино и по освящении остаются простым хлебом и вином и служат только символами Тела и Крови Христовой, есть заблуждение.

Б. Иисус Христос присутствует в Евхаристии не так, что будто бы только проникает (по лжеучению лютеран) хлеб и вино, остающиеся неизменными, и только пребывает с ними, в них, под ними (in, cum, sub pane), но так, что хлеб и вино прелагаются, пресуществляются, претворяются в самое Тело и в самую Кровь Его. В подтверждение этой истины могут быть приведены: опять вышеуказанные места Святого Писания, где прямо и ясно самый хлеб называется Телом Христовым, самое вино – Кровию Христовою, а хлеб и вино не иначе могут сделаться Телом и Кровию Христовою, как только чрез преложение, претворение; различные чинопоследования литургии, так как во всех древних литургиях, употребляющихся не только в Православной Церкви, но и у несториан, евтихиан, сирийцев, яковитов и в Церкви Римской, есть молитва к Богу Отцу пред освящением Даров, чтобы Он преложил, пременил, претворил Духом Святым хлеб в Честное Тело Христа, а вино в Честную Кровь Его; учение отцов и учителей Церкви: Кирилла Иерусалимского (Поучения тайноводственные 1, 7), Григория Нисского (Катихизис, гл. 37)²², Амвросия Медиоланского (О таинствах), Иоанна Дамаскина (Точное изложение православной веры. Кн. 4, гл. 13), блаж. Феофилакта (Толкование на Евангелие от Иоанна, гл. 6). Указанные свидетельства отцов Церкви см. в «Беседах о таинствах» епископа Евсевия.

Из учения о присутствии Иисуса Христа в Евхаристии вытекают следующие заключения, которые ещё яснее определяют образ присутствия Его в этом таинстве.

Первое. Хлеб и вино в Евхаристии претворяются собственно в Тело и Кровь Господа. Но так как с Его Телом и Кровию нераздельно соединена Его душа, а с Его человечеством нераздельно – ипостасно соединено Его Божество, то явно, что Иисус Христос присутствует в Евхаристии не одним только Телом Своим и Кровию, но всем существом, то есть и душою Своею, и Самим Божеством (см.: Ин. 6, 56–57; «Точное изложение православной веры», кн. 4, гл. 13; «Беседы о таинствах» еп. Евсевия).

Второе. Хотя освящённые Дары раздробляются и разделяются в Евхаристии, но собственно это бывает только с видами хлеба и вина, а не с самим Телом, которое вместе с Кровию, как Тело духовное, прославленное, бессмертное, *тому уже не умирает* (Рим. 6, 9; 1 Кор. 15, 43–44), следовательно, не может подвергаться разделению, разрушению, раздроблению.

²⁰ Свт. Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. – *Ред.*

²¹ Евсевий, архиепископ Могилевский. Беседы о семи спасительных таинствах Православной Кафолической Церкви. – *Ред.*

²² Свт. Григорий Нисский. Большое огласительное слово (Большой катихизис). – *Ред.*

Отсюда в каждой части освящённых Даров находится не одна какая-либо часть Тела и Крови Господней, но Тело Христово всегда и во всём целое, и в каждой части до малейшей частицы – присутствует весь Христос по существу Своему, то есть с душою и Божеством, совершенный Бог и совершенный Человек (Послание восточных Патриархов о вере²³, чл. 17; слова в чинопоследовании литургии при раздроблении Агнца).

Третье. Равным образом хотя Евхаристия совершалась и совершается в бесчисленных местах Вселенной, но Тело Христово всегда и везде одно и Кровь Христова всегда и везде одна, и повсюду в Евхаристии присутствует один и тот же Христос, совершенный Бог и совершенный Человек («Послание восточных Патриархов о вере», чл. 17).

Четвёртое. Так как хлеб и вино чрез таинственное освящение пресуществляются в истинное Тело и Кровь Иисуса Христа, то, значит, со времени освящения Даров Он присутствует в Евхаристии постоянно, то есть присутствует не только при самом употреблении и принятии таинства верующими, но и до употребления, и после употребления (там же).

Пятое. Наконец, так как хлеб и вино предлагаются в Евхаристии в истинную Плоть и в истинную Кровь Иисуса Христа, которым Он всегда присущ по Божеству Своему, то явно, что освящённым Дарам должно воздавать поклонение боголепное (Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви восточно, ч. 1, ответы на вопросы 56, 107; Иоанн Златоуст. Толкование на 1-е Послание к Коринфянам. Беседа 25, 5).

²³ Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере (1723 г.). – *Ред.*

Святая Евхаристия есть истинная за нас жертва Богу Отцу Искупителя нашего

Православная Церковь, исповедуя в Евхаристии высочайшее таинство, верует также и исповедует вопреки заблуждениям протестантов, что Евхаристия есть вместе истинная, действительная жертва за нас Правосудию Божию Господа нашего Иисуса Христа. Эта истина имеет непоколебимые основания в *Святом Писании* — сюда относятся пророчество Малахии о Евхаристии как жертве (Мал. 1, 10–11), слово Иисуса Христа из Его беседы об установлении Евхаристии (Ин. 6, 57), слова Его же при самом установлении Евхаристии (Мф. 26, 26–28), слова апостола Павла, сказанные им в предостережение коринфян от участия в идоложертвенных (1 Кор. 10, 18–21), в *Святом Предании* — сюда относятся: исповедание Церкви, что в Евхаристии она приносит Богу *жертву о всех и за вся* (Чинопосл. литургии), свидетельства Вселенских Соборов — Никейского Первого, Ефесского, Никейского Второго, свидетельства отцов и учителей Церкви: Игнатия Богоносца, Иустина, Киприана, Григория Нисского, Иоанна Златоустого, Иоанна Дамаскина. Все эти свидетельства см. в «Беседах о таинствах» епископа Евсевия.

**Святая Евхаристия, будучи жертвою за нас
Единородного Сына Божия, есть вместе
жертва Богу Отцу и с нашей стороны**

Для подтверждения сей истины должно быть обращено внимание на то преимущественно, что Евхаристия видимым образом приносится нами самими, руками из среды нас избранных и освящённых мужей – приносится нашею верою и любовью, соединяющими нас с Иисусом Христом.

Отношение Евхаристической жертвы к Жертве Крестной

1. Что общего между Крестною и Евхаристическою жертвою Иисуса Христа?

Общее между жертвою, приносимою Богу в Святой Евхаристии, и Жертвою Голгофскою следующее:

Они суть одно в существе своём. И ныне на жертвенниках Церкви приносится та же самая пречистая плоть Господа, которая страдала на Кресте, та же самая пречистая кровь Его, которая пролита за нас на Голгофе.

Евхаристическая жертва священнодействуется невидимо тем же вечным

Первосвященником Иисусом Христом, Который совершил и жертвоприношение крестное (см. священническую молитву на Херувимской).

2. Чем они отличаются одна от другой? Различие между Крестною Жертвою и жертвою Евхаристическою следующее:

На Кресте Иисус Христос видимо принёс в жертву Богу Отцу Свое пречистое тело и Свою пречистую кровь, а в Евхаристии Он приносит их невидимо и только для нас под видом хлеба и вина.

Там Он непосредственно Сам принёс искупительное жертвоприношение – здесь, хотя невидимо, также Сам совершает оное, но видимо посредством пастырей Церкви.

Там жертва принесена чрез действительное заколение Агнца Божия – здесь она совершается чрез таинственное преложение Духом Святым хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, без страданий, без пролития крови, без смерти.

На Кресте Иисус Христос однажды принёс Себя в жертву для искупления мира – а Евхаристическое жертвоприношение со времени установления совершалось, совершается и будет совершаться до скончания мира (1 Кор. 11, 25–26).

3. Какие же свойства жертвы Евхаристической? Будучи в существе своём едино с крестною жертвою, евхаристическая есть жертва *умиловительная* за всех живущих и умерших в вере и покаянии (см.: Послание восточных Патриархов, чл. 17; 1 Ин. 1, 7; Евр. 9, 13–14; Гал. 3, 13; Еф. 2, 13, 18; Кол. 1, 19–21; 1 Ин. 2, 2; Лк. 22, 19–20).

Имея силу умиловлять к нам Бога, она очевидно сильна испрашивать нам у Бога и разного рода блага, следовательно, будучи жертвою умиловительною, она есть вместе жертва *просительная, ходатайственная*. Посему-то Церковь, совершая Евхаристию, молит Бога не только о помиловании нас за грехи, но вместе испрашивает у Него и разнообразных даров, духовных и телесных, благопотребных для человека в жизни.

Далее, Святая Евхаристия есть жертва *хвалебная и благодарственная* опять потому, что есть едина с Голгофскою Жертвою, которая как единственный источник всех благодетей Божиих к нам грешным есть для нас предмет вечной хвалы и благодарения Господу. Посему-то на литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого прежде освящения Даров Церковь, вспоминая великие благодетия Божии, прославляет и благодарит Святую Троицу (см.: Лк. 22, 19–20; 1 Кор. 11, 23–24).

Евхаристическая жертва есть жертва *бескровная, бесстрастная*, только *воспоминательная*, совершаемая в воспоминание страданий и смерти Божественного Агнца (Лк. 22, 19–20; см. также литургию Василия Великого и Иоанна Златоустого, свидетельства соборов – Никейского 1-го,

Ефесского, Никейского 2-го, «Беседы о таинствах» епископа Евсевия).

Наконец, она есть жертва *духовная*, ибо совершается Духом Святым – действует первее и более всего на дух и должна соединяться со внутренним духовным жертвоприношением.

Каким образом мы должны участвовать в Евхаристической жертве, чтобы она могла примирять нас с правосудием Божиим?

Посредством живой и сердечной веры в умиловительную силу смерти Христовой и в такую же силу Евхаристии.

Посредством благоговейного присутствования при Божественной литургии.

Посредством причащения Тела и Крови Христовой.

Наконец, духовно распинаясь и умирая с Господом и для Господа.

После всего сказанного как же для нас должна быть важна и священна Божественная литургия, на которой совершается

Евхаристическая жертва, как чисты и совершенны хлеб и вино, на которых она совершается, насколько «чище и светлее лучей солнечных» должны быть совершители её, как святы и дороги самые места – храмы Божии и времена, где и когда идёт эта служба Божия, как высоко в нравственно-религиозном отношении должны быть настроены присутствующие на ней и как они должны быть внимательны к другим службам – вечерним и утренним, приговорительным к ней!

